

Хуан Тафур

Странствия по двум мирам

*Мастера
испанской прозы*

Хуан Тафур

Странствия по двум мирам

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Тафур Х.

Странствия по двум мирам / Х. Тафур — «ЭННЕАГОН
ПРЕСС»,

ISBN 978-5-91051-044-3

Роман Хуана Тафура рассказывает об одной из самых удивительных и загадочных эпох в истории — от падения Константинополя до подготовки первого путешествия Колумба. Этот период ознаменовался целым рядом событий, имевших переломное значение для развития человечества, таких, как распад Византии и изгнание мавров из Испании, создание живописных и скульптурных шедевров Возрождения, качественный скачок в самых разных областях науки — от философии до географии и астрономии. Автор создает запоминающиеся образы реальных исторических лиц: среди них — флорентийский правитель Лоренцо Великолепный, Марсилио Фичино, Америго Веспуччи, Христофор Колумб, Сандро Боттичелли, герцог Медина-Сидония, не говоря уже о своем знаменитом предке Педро Тафуре, широко известном в Испании путешественнике, слава которого сродни славе русского купца Афанасия Никитина.

ISBN 978-5-91051-044-3

© Тафур Х.
© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

Санлукар-де-Баррамеда, сентябрь 1453 года	6
I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Хуан Тафур

Странствия по двум мирам

Посвящается Педро, которым заканчивается и с которого начинается это путешествие.

Кому по силам книга? Для начала
Хорошей книги требуются зори,
А к ним – века, сражения и море,
Чтоб сталкивало всех и разлучало¹.

Хорхе Луис Борхес. «Делатель» (1960 г.)

Надобно, чтобы молодой идалго покидал свой дом и отправлялся повидать чужие земли, ибо из таких путешествий рождается подвиг и возвеличивается сердце. Там, где его, доселе неизвестного, ждут труды и нужда, он должен показать своими делами, кто были его предки, потому что только через эти деяния смогут узнать о них чужеземцы.

Перо Тафур. «Странствия и путешествия» (1439 г.)

---

¹ Перевод Бориса Дубина.

Санлукар-де-Баррамеда, сентябрь 1453 года

Наступил час рассвета, когда взоры мореплавателей с надеждой обращаются к востоку. С вершины зубчатой башни заметили сначала черную точку на дороге, а немного погодя – коня и всадника, окутанных облаком пыли. Часовой окликнул стражника, дабы тот поспешил к воротам. Над сводами дворцовых арок виднелось освещенное верхнее окно. Дон Хуан Алонсо Перес де Гусман, герцог Медина-Сидония, поджидал гонца.

Когда всадник въехал в город, заря уже осветила глинобитные стены, отливавшие синевой – от добавленного в известку индиго. Звонарь церкви Святого Франциска ударил в большой колокол, и ночной сторож затаил дыхание перед последней догоравшей свечой. Цоканье копыт доносилось то из одной, то из другой улочки, оно приближалось, и вот уже всадник миновал рыночные ряды и вихрем промчался по площади Де-ла-О. Вслед ему одна за другой захлопали ставни вдоль Куэста-де-Белен. А он дал напоследок шпоры коню и наконец соскользнул с его горячего крупа. Сверху, из другого окна над арочными сводами, украшенными резными изображениями чудовищ и сирен, за ним наблюдали несколько детей.

Стоявший под аркой конюх взял коня под уздцы. Адьютант герцога самолично повел гонца по длинным коридорам. Поднявшись на второй этаж, они стали свидетелями настоящих боевых действий: все те же дети удирали от няньки, пытавшейся поймать их и снова водворить в постель. Самый маленький из них, съездившись, спрятался за настенным ковром, рядом со скамьей для посетителей. Он был более плотного сложения и смуглее, чем дети Медины; вероятно, мальчуган гостил здесь, будучи сыном бедных родственников, пославших его на воспитание к герцогу. Гонец попытался улыбнуться и почувствовал, что его лицо оцепенело от усталости. Он молил Господа, чтобы этот ребенок не оказался сыном человека, которого потерял Санлукар в результате происшедшей трагедии.

Адьютант постучался и ввел гонца во внутренние покои. Слуги столпились в коридоре, не осмеливаясь подслушивать у дверей. По лестнице уже прохаживались взад-вперед несколько рыцарей, то и дело поглаживая свое оружие. Неужели нарушили перемирие мавры, ободренные нездоровьем короля дона Хуана? Но тогда посланец не прискакал бы по дороге из порта, а приплыл бы из Севильи по Гвадалквивиру. Накануне дозорный заметил на другом конце бухты тонущий корабль, узнав в нем одно из судов конвоя, который отплыл весной в Кандию. Впрочем, адъютант герцога не побледнел бы так, если бы речь шла о заурядном кораблекрушении, пусть даже судно и прибыло из далекой Греции.

Дон Хуан Алонсо Перес де Гусман наконец появился на пороге. На нем отсутствовали доспехи, что было хорошим знаком, однако взгляд его был мрачен, а лицо так же бледно, как у адъютанта. Герцог прошел по коридору мимо выстроившихся шеренгой слуг и остановился перед лестницей, где уже гудела толпа. С каждой фразой его голос становился все глуше, а растерянность и уныние – все заметнее. Между тем гонец подошел к скамье и тяжело опустился на нее. Поблизости никого не было, и только спрятавшийся за ковром ребенок сверлил его большими черными глазами. Одетый в одну ночную сорочку, мальчуган дрожал всем телом, хотя в помещении вовсе не было холодно.

Весть о случившемся достигла городских кварталов раньше, чем герцог закончил свою речь. Жалобным криком пронеслась она по дворцовой лестнице, перелетела через двор, гулким эхом прокатилась под сводами галереи и наконец выплеснулась на улицы, повторив в обратном порядке путь гонца. Женщины выскакивали из домов босиком и спешили к городским воротам, а мужчины бежали к площади, готовые отомстить за проигранное сражение. Всего лишь одного человека потерял в этой битве Санлукар, но люди причитали так, словно каждый из них лишился отца, брата или мужа. На протяжении всего лета под средиземноморским небом в разных городах и на разных языках раздавались стенания:

– Византия пала! Пала Византия!

Герцог Медина застыл в молчании у дворцовой лестницы. Его солдаты спустились во двор, пряча оружие от глаз служанок, подглядывавших из-за решетчатых окон. Снаружи, на улицах и площадях, весть все еще передавалась из уст в уста, достигая и обители отшельника, и дальнего предместья за рекой:

– Византия разгромлена! Константинополь пал!

Гонец протянул было руку в направлении мальчика, но тут же отдернул ее. Он подумал, что, настигни его сейчас смерть, последним его воспоминанием будет это ангельское личико с черными глазами. У ребенка же, по прошествии лет, не должны остаться в памяти ни его убитое горем лицо, ни печальная новость, а только галоп на рассвете, крики на улице да набатный бой колоколов, словно возвещающих о конце света.

I

Спустя двадцать лет

– Дон Педро Тафур?

Молодой рыцарь оглядел незнакомца, постучавшего в его дверь. Нарядный, надменного вида, приземистый и плотный, как и он сам, лицо скрыто под маской, но в глазах не заметно враждебности. На нем были плащ из грубой шерсти, тонкая блуза, красная шапка, гранатовые панталоны и черные башмаки – так одевались почти все пажи, каких ему довелось встречать во Флоренции. Не иначе, его хозяин – августейшая персона, коли слуга так высокомерен.

– Un messaggio². – Паж протянул ему запечатанное сургучом письмо.

Тафур пошел за камзолом, чтобы дать ему монетку. Когда он вернулся к дверям, посыльный уже ушел.

Сквозь лестничный проем он успел разглядеть длинные полы плаща, мелькнувшие в направлении сеней. Как его только пропустил привратник? Ведь хозяин постоянного двора не раз твердил ему, что не одобряет визитов к постояльцам. К тому же ни привратник, ни хозяин не знали, что его имя Педро Тафур. Он взвесил на руке письмо, снял сургуч и развернул свиток. Недоброе предчувствие сдавило ему грудь, когда он узнал герб, отпечатанный в углу листа. Шесть золотых шаров на ярко-красном фоне, вроде тех, что аптекари используют в качестве гирек при взвешивании. Герб банкиров Медичи.

Он надел кафтан, подпоясался кушаком, но уже на лестнице вернулся за длинным плащом, дабы спрятать под ним шпагу. Табурет привратника пустовал, да и паж как сквозь землю провалился, растворившись среди уличных лотков и навесов. Тафур втиснулся в разномастную толпу, учтиво повторяя направо и налево: «Scusatemi via» – «Позвольте пройти, будьте любезны». Но уже через десять шагов его бока ныли от чужих локтей, а лодыжки – от пинков. Он наткнулся на ящик с луком-пореем и опрокинул его на землю, а когда нагнулся, чтобы подобрать лук, зеленщик начал истошно кричать. Не дожидаясь, когда вокруг него сомкнется круг очевидцев, Тафур юркнул в лоджию рынка. Сбоку от колоннады еще одна толпа заполняла широкую улицу, бравшую свое начало на берегу Арно. Казалось, все пажи мира надели в этот день серые плащи и красные шапки. В конце улицы чья-то тень мелькнула в проеме между домами, остановилась, огляделась по сторонам и метнулась за угол.

Тафур возобновил свой бег, с трудом лавируя между людьми и повозками, двигавшимися от реки. И еще больше убыстрил шаг, увидев, что паж сворачивает за угол, но когда подбежал к перекрестку, то едва не сбил с ног трех девиц, шествовавших в сопровождении двух слуг в черных ливреях. Одна из них вскрикнула. Своим перепачканным в глине сапогом он наступил ей на подол платья.

По пути из Испании брат Антонио много рассказывал ему о разных опасностях, которые могут подстергать его во время путешествия. Лучше бы он научил его учтивым выражениям на итальянском.

– Тысяча извинений, синьора, – запинаясь, проговорил он. – Я не хотел вас испугать.

Девушка фыркнула, услышав, что он назвал ее синьорой. Одна из ее подружек рассмеялась. Тафур обернулся к третьей и тут же потупил взор, успев заметить, что вуаль ничуть не скрывала лица и шеи девушки. Перламутровая кожа, алые, как розы, губы... Неужели она улыбается? Большие глаза, голубые, с золотистыми крапинками. Или зеленые?

---

² Послание (*ит.*).

– Прошу вас простить меня, – продолжал он, обращаясь к первой девице. – Скажите, могу ли я оказать какую-нибудь услугу вам или вашим спутницам?

И как только ему в голову пришло произносить подобный вздор? Какую услугу он мог оказать им, если завтра отправлялся в Венецию, а в воскресенье садился на корабль, отплывавший на Родос? Не говоря уже о том, что ему пришлось бы открыть свое имя и положение, то есть сделать то, от чего его настойчиво предостерегал герцог Медина.

Слава богу, девушка в злополучном платье оставила без внимания его слова. Все три холодно кивнули и возобновили свою прогулку, направляясь на рынок или, возможно, в собор. Если в собор, то, значит, слуги у них новенькие, да вдобавок недотепы: они избрали дорогу, состоящую из сплошных луж. Тафур исподволь следил за ними, пока они не скрылись в толпе, а затем завернул за угол. Боковая улица была такой узкой, что здесь и мышь бы не спряталась. В конце ее возвышалась башня Синьории³, где флорентийские аристократы устраивали свои советы. Не зашел ли туда паж, чтобы отчитаться в своих действиях? Между прочим, с той стороны пришли и три девушки. Наверняка они знатного происхождения, о чем красноречиво свидетельствовали их внешность, манеры, шелковые туники, тонкие вуали. Он бросил взгляд на свои сапоги и почувствовал, что лицо его пылает от стыда. Потом снова смущенно опустил глаза. И возле своих ног увидел лежащий на земле шелковый платок.

Тафур нагнулся, одним движением подхватил его и стал вглядываться в толпу, но девушек уже и след простыл. И почему только он не побежал за ними? Хотя если бы он побежал, то не заметил бы платка, а это был предлог, чтобы снова заговорить с ними. Нет, никакой это не предлог. Он держит в руке самый настоящий платок. Выходит, он поднял его, не собираясь возвращать владелице? Это какой-нибудь простолюдин мог бы присвоить его, чтобы скомпрометировать хозяйку. Кстати, он твердо знал, кто из трех девушек владелица платка: его шелк, нечто среднее между зеленым и голубым, был того же цвета, что туника и мелькнувшие под вуалью глаза. Он стал засовывать платок в карман, и пальцы его наткнулись на сургучную печать послания, врученного пажом. Тогда он переложил платок и послание в нагрудный карман, где уже лежало письмо герцога Медины.

На площади Синьории плотники соорудили помост к празднику карнавала. Кроме них, здесь никого не было. Злополучный паж как в воду канул. И девушки тоже. Он сделал круг по площади и решил возвращаться по другой улице, чтобы не сталкиваться с зеленщиком. Перед тем как завернуть за угол, он искоса взглянул на дворец цвета меди и обнаженные фигуры статуй над арками изящной лоджии Ланци. Он не успел повидать достопримечательностей Флоренции, видел только украшенные барельефами двери Баптистерия и собора, и то мельком, по дороге из банка, где получал деньги по переводному векселю. Не нашел он и улицу золотых дел мастеров и не купил камю, которую обещал Кармен, чтобы заменить ею ту, что ей подарил дон Фадрике. Но разве герцог послал его для того, чтобы он терял время на праздные прогулки? И уж само собой не за тем, чтобы так осрамиться перед флорентийскими барышнями. Он поднес руку к груди и снова нащупал письмо своего господина и запечатанное сургучом послание. Кто-то узнал его тайну.

Привратник явно дезертировал со своего табурета в сенях. Тафур, перепрыгивая через две ступеньки, взлетел наверх, закрыл за собой дверь на засов и вытащил послание. Он присел на краешек кровати и почувствовал озноб. Видно, местный слуга тоже сбежал, чтобы не поддерживать огонь в жаровне. Он накинул на плечи одеяло, потер руки и еще раз перечитал странное приглашение: «*La vostra presenza onora la nostra casa. Venite alla Via Larga, ora terza*»⁴.

Довольно неуклюжий стиль, зато каллиграфия безупречна. И снова герб с шестью золотыми шарами. Он уже видел его на фасаде башни Синьории, над дверями одной из церквей,

---

³ Синьория – правительство Флорентийской республики.

⁴ Ваше присутствие – честь для нашего дома. Приходите на Виа-Ларга в третьем часу (*um.*).

на лоджии рынка, по всему городу. Ну и, разумеется, он красовался на здании банка Медичи, куда Тафур ходил, чтобы получить деньги по векселю герцога. Банк располагался на маленькой площади на Виа-Ларга, рядом с большим палаццо, где жили банкиры.

Чего хотели от него правители города? Они были с ним изысканно любезны, ибо на самом деле не он, а они оказывали ему честь приглашением. Однако доставивший его паж не открыл лица, словно был злоумышленником. Тем самым ему давали понять: никто не узнает, что Тафур находится во Флоренции, коль скоро он этого не желает. В приглашении не было указано ни его имени, ни даты.

Он вспомнил, какой взгляд бросил казначей банка на вексель с подписью герцога. Да и молодой патриций, распределявший золото по конвертам, внимательно с головы до ног осмотрел Тафура, пока тот расписывался в большой книге. Он на мгновение заколебался, прежде чем взять перо в руку, но затем поставил свою подпись на бумаге. Педро Тафур. Что еще он мог написать? Он с гордостью носил имя своих предков. С другой стороны, без подписи золото не получишь. Герцог вел дела с семейством Медичи, правда не с доном Лоренцо и доном Джулиано, а с их дедом, знаменитым доном Козимо. Он должен был предвидеть, что в банке узнают его руку. Более того, возможно, он как раз рассчитывал на то, что Тафуру сделают подобное приглашение.

Последние угли в жаровне с шипением погасли. Он свернул листок, засунул его в карман и вновь нащупал шелковый платок. Нельзя оставлять его на виду, чтобы он бросился в глаза первому же постороннему, которому он откроет дверь. Тафур остановился возле сундучка, где лежали бархатный камзол и смена белья. Потом в сомнении подошел к дорожной суме, где хранил начатое им письмо. Кармен вряд ли обрадовалась бы, узнав, что письмо к ней лежит рядом с платком другой девушки. Грустно, когда человек страдает, но вдвойне грустно, когда он сам просит страданий у небес, говорил Мануэль Бенассар, его наставник в санлукарском дворце. Что будет лучшим грехом: оставить платок у себя или попытаться вернуть его?

Он уселся за стол и писал, писал до тех пор, пока солнце не скрылось за черепичными крышами. Под окном торговцы с рынка разбирали свои навесы. Готовые веселиться всю ночь по случаю карнавала, прошагали мимо студенты, вооруженные масками, барабанами и флейтами. Сколько еще пажей Медичи следят за его дверью? Он и шага не успеет ступить, как об этом станет известно на Виа-Ларга, не говоря уже о том, чтобы незаметно улизнуть из Флоренции. С другой стороны, не откликнуться на приглашение будет неблагоразумно. Если банкиры интересуются целью его путешествия, он должен воспользоваться их любезностью. Ведь ему предстоит еще проделать долгий путь по землям Тосканы. Ну и в конце концов он покинул Санлукар не для того, чтобы спрятаться от мира, а чтобы узнать его.

* * *

Любезная Кармен!

Как и обещал, пишу тебе, чтобы рассказать о том, как проходит мое путешествие, в которое столь не вовремя отправил меня сеньор герцог. До сих пор вспоминаю наше свидание у стены с жасминами и твое лицо. Надеюсь, что и ты меня вспоминаешь и что это мое письмо послужит тебе некоторым утешением. Как тебе известно, я уже посвящен в рыцари, но подчиняюсь приказам герцога. А именно он запретил мне заранее сообщить тебе о моем отъезде, позволил только напоследок встретиться с тобой, ибо догадывается о наших чувствах. Поручение, которое он мне дал, является сугубо секретным, и я должен выполнить его во что бы то ни стало из чувства верности и благодарности к герцогу. Если Господу будет угодно, когда это поручение будет выполнено, наши ожидания окончатся.

Не стану говорить, сколько раз я оглядывался на дворец, пока корабль уходил все дальше в море. Я знал, что ты не можешь подойти к окну, а если бы и могла, то все равно не увидела бы меня, потому что твое окно выходит на запад, а я отплывал на восток, но меня воодушевляла мысль, что ты не спишь, как в те времена, когда мы были детьми и я уезжал со взрослыми на охоту.

Вместе со мной на борт поднялись двое францисканцев, к которым герцог весьма благоволил. Одного из них ты знаешь: это Антонио де Марчена; он стал монахом, уже будучи весьма сведущим в навигации, географии и многих иных науках. С ним я молился сегодня утром и продолжаю молиться, всякий раз повторяя твое имя. Мы с ним проводим время в приятных беседах, когда это позволяют волны и ветер.

Нелегкое дело, Кармен, плавать по этому морю, на которое мы так часто в детстве смотрели из окон башни. Оно не одинаково в разных местах и далеко не всегда спокойно, ты и сама это знаешь по тем бурям, что налетают из океана, добираясь до Гвадалквивира. Когда мы обогнули Кадисский мыс, нас догнала подобная буря, продолжавшаяся до самого Пролива, где африканский берег глядит на нас. Ты тотчас простила бы все мои прегрешения, если бы видела меня в те часы: я вымок до нитки, меня швыряло из стороны в сторону, пока капитан не приказал привязать меня к основанию мачты.

Но не бойся и не тревожься за меня. Твой отважный рыцарь хотел бросить вызов буре, однако после долгих упрасиваний брат Антонио увел меня с палубы в каюту, ибо в таких переделках неопытные новички только мешают морякам. И мы с ним молились там, пока буря не миновала, а вместе с нею и Африканский пролив, который мы, в сущности, и не видели. Я рассказываю тебе все это не для того, чтобы напугать, но дабы внушить тебе теплое чувство к брату Антонио – лучшему из моих друзей. До самого прибытия сюда, в Италию, он был также моим духовником и советчиком.

Потом мы пересекли Пролив и бросили якорь в Сеуте; как раз напротив возвышалась гора Гибралтара, где, как говорят, Геркулес воздвиг один из своих столпов. Издалека все это напоминает не столп, а скорее огромный надутый парус над морем, и не удивительно, что нашим пришлось приложить столько усилий, чтобы вернуть эту землю. После Сеуты мы вернулись в Испанию и поплыли вдоль побережья до Малаги. Это великолепный город в Гранаде и, пожалуй, лучший за пределами нашего королевства благодаря форту, крепости и оживленной торговле. Мы продолжали продвигаться вдоль берега к востоку, миновали Салубренью, Альмуньекар и Альмерию, тоже принадлежащие маврам, а оттуда добрались до Картахены, вновь очутившись в нашем королевстве. Там мы задержались на день, так как прошел слух о том, что неподалеку в море видели каталонских пиратов.

И снова прошу тебя не волноваться. Тебе ни о чем не следует беспокоиться, ибо я умею постоять за себя, если именно это обстоятельство тревожило тебя в последний день. Правда, я подозреваю, что тут были замешаны иные причины, но не мне называть их. Никто не знает о том, какие обещания мы дали друг другу еще детьми. Теперь ты девушка на выданье и претендентов на твою руку хватает, взять хотя бы донна Фадрике Альвареса, который уже дважды приезжал в Санлукар и проявлял к тебе интерес. Это благородный рыцарь, победитель многих турниров, и, как говорят, он храбро воевал в Берберии. Без сомнения, он обещает тебе то положение в обществе, коего ты заслуживаешь. Мне же достаточно, чтобы ты знала: обещание, которое я тогда дал, по-прежнему остается в силе.

Что же до пиратов, то Господь захотел испытать нашу выдержку, ибо на следующий день дозорный заметил вдалеке три паруса: от испуга они показались нам такими же огромными, как Гибралтар. Мы вернулись в порт, и они проследовали за нами, поскольку то были не пиратские галеры, а торговые суда дома Дориа, направлявшиеся за товаром в королевство Фес.

Из Картахены мы поплыли к Аликанте, и затем капитан приказал отклониться от побережья и взять курс на остров Ивису, владение короля дона Фердинанда, чтобы опять-таки оградить себя от пиратов, наводящих страх в этих краях, а также, по слухам, в еще большей степени – у входа в Средиземное море. Со времен разгрома Византии никто не в силах поставить заслон восточным корсарам, разве что рыцари святого Иоанна, когда они плывут вместе, целыми конвоями, вселяя во всех ужас. Сообщаю тебе это, дабы ты снова не тревожилась за меня, потому что я уже добрался до Италии и с этими рыцарями отплыву в воскресенье из Венеции на остров Родос.

На Ивисе со мной приключилось курьезное происшествие. Как только мы вошли в порт, налетел такой ветер, что, оказись мы в открытом море, нас унесло бы обратно к берегам Испании. Мы решили переждать непогоду и сошли на берег, чтобы осмотреть крепость, когда-то воздвигнутую маврами. Неподалеку обнаружили еще более древние катакомбы от них ныне остались одни развалины и обломки, так что лишь в немногие можно спуститься. И вот, несмотря на это, я обнаружил в самых глубоких из них одну из санлукарских сирен! Размеры ее те же самые, хотя выполнена статуя более грубо, нежели на нашей галерее. Она стояла на могильной плите и потому более походила на сирен из моего сна. Из того тяжкого сна, в котором я нахожусь могилу отца, я тебе много раз его рассказывал.

Не кажется ли тебе это удивительным? Мы с братом Антонио спрашивали у местных жителей, и те не знали, что ответить, и только говорили, что катакомбы остались от финикийцев. Никто не мог сказать, как там появилась сирена, хотя они тоже считают ее чудовищем, так же как и мы. Брату Антонио я не стал рассказывать сна, поскольку в нем не было ничего греховного, такого, в чем нужно было бы исповедаться, разве что мое желание отыскать то, что я не должен найти. Если же в этом совпадении есть какой-то знак, надеюсь, что небеса помогут мне в этом разобраться.

Покинув Ивису, мы взяли курс на Лионский залив: провансальцы именуют его Нарбонским. Оттуда приплыли в собственно Прованс и наконец достигли берегов Италии. Тысячи разных подробностей мог бы я рассказать тебе об этом плавании, но не хочу изображать его длиннее, чем оно было на самом деле, и пугать тебя сюрпризами моря, которые, к счастью, были немногочисленными. Что же до земель Италии, то сегодня я тоже дам тебе лишь небольшой намек на их прелести, подобно тому, как это делает молодая девушка, которой не подобает показывать ничего лишнего.

Генуя представляет собой чудесное зрелище; она раскинулась вдоль побережья Средиземного моря на сорок миль, и ее города и селения расположены так тесно, что кажется, будто это один нескончаемый город. Говорят, Геную основал Эней, бежавший из разоренной Трои, и действительно, кажется, что город создан человеком, испытавшим горечь поражения, ибо построен на горе над морем, все его дома – башни, а все улицы очень узки. Люди здесь весьма предприимчивы, особенно когда есть возможность поживиться за счет чужестранцев. При обмене векселя на деньги меня хотели надуть, и пришлось вызывать владельца банка, дона Джакобо Ломеллини. Некоторые здесь говорят на исковерканном испанском, усвоенном во время морских странствий. Местные женщины все сплошь добродетельны, а ежели и найдется такая, что совершила прелюбодеяние, то ее тут же ждет неминуемая смерть.

К владениям Генуи относится и Портовенере, куда мы устремились, дабы оттуда попасть в Тоскану. Это тоже хорошо укрепленный порт, прикрываемый с боков двумя замками, а спереди – островом, обеспечивающим надежную защиту с моря. Рассказывают, что на этом острове побывала Венера, богиня древних, и в это нетрудно поверить, настолько здесь все прекрасно. Остров окружен ожерельем из белого песка и весь утопает в зелени, ибо засажен стройными фруктовыми деревьями. Из этого порта мы направились в Ливорно, это уже владения Пизы, где впадает в море Арно, широкая и полноводная река, хотя ей и далеко до нашего Гвадалquivира.

Ты можешь сказать, что, обещав вкратце рассказать о своих наблюдениях, я перешел уже к подробностям. Но описывать Италию означает начать и не кончить, ибо, куда бы ни направлялся твой взгляд, всюду открываются великолепные виды и прекрасные творения. Мне хотелось бы показать их тебе посредством пера, чтобы ты забыла, что я далеко, и простила меня. Но, должно быть, на сегодня ты уже устала от разных городов, пиратов и бурь, так что оставляю тебя отдохнуть в Ливорно, где я с огромным сожалением простился с братом Антонио, который направился в Рим. Я же уже нахожусь во Флоренции, но пока толком ее не видел, отчасти потому, что приехал сюда без брата Антонио: он монах и свободнее себя чувствует в общении с незнакомыми людьми.

Тем не менее хочу сказать, что как раз сегодня я приглашен во дворец властителей города – дона Лоренцо и дона Джулиано Медичи. Так что можешь гордиться своим рыцарем и молиться Господу, дабы Он сделал меня достойным благосклонности столь прекрасной девушки.

Преданный тебе Педро.

P. S. Когда будешь в еврейском квартале, передай, пожалуйста, мой поклон Мануэлю Бенассару и отнеси ему немного провизии и бурдюк с вином. Скажи, что я часто вспоминаю его в последнее время.

Никому не рассказывай о моем визите к Медичи.

* * *

В назначенный час слуга с постоянного двора появился в дверях с тазом для умывания и свечой в подсвечнике. Тафур подул на исписанный лист, закрыл чернильницу, вытер перо и начал собираться. Он скинул потертый кафтан своего деда, снял панталоны и затрапезные чулки и остался в сорочке, чтобы не замерзнуть. Помыл шею, подмышки, пах, потом плеснул водой в лицо, чтобы взбодриться. Вынул из сундучка свежую сорочку и бархатный камзол, подаренный герцогом на похоронах короля Генриха. С тех пор он уже перестал расти, и камзол был по-прежнему ему впору и в груди, и в плечах, правда ему приходилось ходить очень прямо и стараться не сгибать рук, чтобы они не высывались из манжет. Манжеты были сшиты на старинный манер – с большими брыжами. Он сделал несколько шагов и изобразил поклон. Затем снова скинул камзол и принялся начищать сапоги конским жиром от маэсе Виллана, сапожника-бретонца из Санлукара. Кармен прислала ему склянку с этой мазью, чтобы его сапоги блестели, когда он будет участвовать в летних турнирах.

Он начал негромко напевать:

Прощай, прощай, мы покидаем порт,
Прощай, я уйду в морские дали,
Прощай, прощай, печально расставаньё...

Сапоги засияли. Потрескавшиеся, по-солдатски грубые, они никак не подходили к камзолу, но не мог же он идти босиком. У плаща тоже был далеко не нарядный вид, но его, по крайней мере, он может оставить при входе слуге. Он вынул из кафтана письмо герцога и спрятал его у себя на груди, между рубашкой и камзолом. Из кармана высунулся конец голубовато-зеленого платка. Он сложил его, засунул за рукав, потом накиннул плащ, поправил перо на шляпе. Может быть, он еще успеет сегодня разыскать ту девушку. Учтивость не исключает отваги.

Он зашагал по улице, идущей вдоль рынка, угадывая дорогу по масляным фонарям, висевшим на перекрестках. Потом вступил в темные переулки, чеканя шаг и поднося руку к

шпаге всякий раз, когда между домами мелькала чья-то тень. На соборной площади горели карнавальные костры. Он пошел в сторону Виа-Ларга и был вынужден несколько раз сделать крюк, чтобы обойти многочисленные хороводы. Конюхи, солдаты, нищие, студенты, слуги и служанки без своих хозяев толпились вокруг костров, словно мотыльки, летящие на пламя. На ступеньках галереи он резко обернулся и оказался лицом к лицу с незнакомцем, следовавшим за ним по пятам. Тот сразу свернул в сторону и, дойдя до церкви, покаянно опустил перед входом на колени, опираясь на посох. Не встречал ли Тафур раньше этого по виду студента, что сейчас сотрясается всем телом, словно одержим болезнью святого Витта?

Предчувствия охватили его сразу, как только он покинул постоянный двор. А что, если во дворце Медичи его подстерегает западня? Но они ничего не могут знать о письме герцога. Да если бы и знали, то не стали бы подсылать к нему сейчас злоумышленников, коль скоро он направляется к ним сам с письмом. Химеры воображения, как сказал бы Бенассар, прокрались в его душу, наполнив ее беспричинным страхом, что и зовется предчувствием. Турки и пираты – вот кто природные враги, а вовсе не представители знатного рода, пригласившие его на званый ужин.

Однако же само приглашение таило в себе некоторые сложности. Он зван на ужин, поскольку «третий час» соответствует девяти часам – у флорентийцев сутки начинались с заката. Итак, понедельник карнавальная неделя, канун праздника, наверняка там будет веселье, музыка, танцы, дамы и барышни. Дворцовый глашатай назовет его имя, другие гости захотят побеседовать с ним, и как они будут к нему обращаться? Одно дело жить инкогнито на захудалых постоянных дворах и совсем другое – прибегать к заведомой лжи. Единственный выход – сделать Медичи своими сообщниками.

В хорошеньком положении он оказался по милости герцога. Он повернулся к собору, прося совета у святых угодников, чьи изображения украшали портик. Отблески костров искажали их лица; казалось, они непрестанно гримасничают. Тафур еще раз осмотрел себя с головы до пят и несколько раз потянул за рукава, чтобы руки не так сильно высывались. Сапоги, пока он шел, вновь перепачкались в грязи.

Он пересек площадь и вступил на Виа-Ларга, поглядывая на освещенный фонарями палаццо. Услышав звон колоколов, он было ускорил шаг, но почти тут же снова его замедлил, а потом и вовсе остановился. У входа не было заметно ни лошадей, ни экипажей. Изнутри не доносилась музыка, не слышались веселые голоса и смех, словом, ничего похожего на празднество. Тафур вынул приглашение и задумчиво повертел его в руке. Он все еще колебался, когда чья-то темная фигура возникла на фоне костров и направилась в его сторону. На голове у нее был капюшон, и она шла так стремительно, что полы плаща распахивались на ходу, открывая шелковую тунику.

Тафур поспешно отступил в сумрак портала, и сердце у него замерло. Чего хочет этот мужчина, что неотступно следует за первой фигурой? Его рука потянулась к шпаге, прежде чем он успел признать одного из слуг, которых видел на рынке. Незнакомка, обронившая платок, подошла ко входу во дворец Медичи и исчезла за его дверями.

Он в два прыжка пересек улицу, но ему преградили дорогу стражники и не пускали, пока он не показал им приглашение. Откуда ни возьмись возник слуга с канделябром в руке, провел его во внутренний дворик и с виноватым выражением лица попросил подождать там. Тафур обвел глазами двери и коридоры, почти незаметные за колоннами. Где-то в стороне раздавался перестук башмаков пажа, поднимавшегося по мраморной лестнице. Мелькнул свет свечи на галерее, открылась и тут же захлопнулась дверь в верхней части дворца. Наступила тишина, и только с площади изредка долетали веселые возгласы, да неподалеку журчал фонтан.

Тафур осторожно повернулся к стражникам, гревшимся у жаровни перед дверями. Никаким праздником здесь и не пахло. Да и ужин, если он на самом деле имел место, уже давно был подан и съеден, а хозяин и его сотрапезники пребывали в объятиях Морфея. Он прошелся

вдоль колонн и осмотрел лестницу, по которой поднимался паж. Точно такая же находилась в противоположном крыле. Еще одна могла скрываться за этим узорчатым ковром, хотя, возможно, там не лестница, а какая-нибудь дверь или коридор. Куда скрылась девушка? Ее не заставили ждать, как его, но если бы она была родственницей владельцев дворца, ее слуга был бы одет так же, как стражники. Кстати, он до сих пор находился здесь, грея руки у огня.

Тафур уже начал терять терпение, как вдруг услышал приглушенные звуки музыки. Он приблизился к чаше фонтана, словно бы для того, чтобы получше рассмотреть статую, но тут же в смущении отвел глаза. Он увидел бронзовый торс и лицо ангела, лук, стрелы и лавровый венок на голове. Брат Антонио предупреждал его насчет современных статуй в Италии, но его всякий раз пугало то, что они представлены в натуральном виде, словно Адам или Ева. Звуки доносились сквозь журчание водяных струй, откуда-то из-за ковра. Еле слышное прикосновение пальцев к струнам лиры. Тафур направился в сторону коридора, предварительно бросив взгляд на стражников. Потом решительно отодвинул ковер и чуть приоткрыл находившуюся за ним дверь.

Под сводами комнаты горела лампа, размерами напоминавшая камины в церкви. Игравший музыкант был скрыт ширмой, зато в центре комнаты, как раз под лампой, была очень хорошо заметна давешняя барышня, потерявшая платок. С нею – обе ее подруги. Взявшись за руки, то сходясь, то расходясь под звуки музыки, все три девушки танцевали. Они были в карнавальных масках – белой, золотистой и аквамаариновой, но будь они даже закутаны, как монахини, он все равно бы их узнал. Его незнакомка повернулась вокруг своей оси и взглянула в направлении двери. Потом замерла на месте, прервав танец, и ее прекрасные глаза встретились с его взглядом. Одна из ее подружек вскрикнула, другая прыснула со смеху, точно так же, как незадолго перед этим на улице.

Тафур, успевший просунуть в дверь не только голову, но и ногу, застыл на месте, еще больше сгорбившись. И готов был сквозь землю провалиться. А прекрасная незнакомка вслед за своими подругами убежала за ширму, но прежде чем исчезнуть, еще раз обернулась и посмотрела на него. В коридоре послышались шаги. Тафур отпрянул от двери с пылающим лицом и едва не столкнулся с казначеем банка Медичи.

– *Per piacere, signore*, – произнес молодой патриций с доброжелательной улыбкой, – *venite con me*⁵.

Они направились к мраморной лестнице. И еще не успели пройти весь коридор, как вновь заиграла лира. Тафур не решался взглянуть в ту сторону, но в полумраке явственно видел перед собой живой взгляд ее глаз, то ли голубых, то ли зеленых, а может быть, и золотистых, цвета рождающейся в море утренней зари. Ее длинная коса с медным отливом напоминала язык пламени. Когда она побежала прятаться за ширму, две другие девушки окликнули ее по имени.

Симонетта.

* * *

Кабинет пропитался сладковатым запахом пергамента. Еще здесь пахло воском и горелым фитилем, словно кто-то только что затушил свечи. Тафур остановился возле двери, пока его глаза не начали различать впереди полки, уставленные манускриптами, медальонами и статуэтками. Потом подошел к письменному столу и нагнулся над медной лампой, в которой горела одна-единственная свеча. Ее металлический колпак был испещрен отверстиями в виде звезд, солнц, растущих и ущербных лун. Лучики света, просачиваясь через эти отверстия,

---

⁵ Будьте добры, синьор, пойдете со мной (*ит.*).

отбрасывали на стены изображения странно расположенных небесных тел. Тафур прищурился и, закинув голову, взглянул на своды потолка. Казалось, он видит настоящий небосвод.

К тому времени, когда вновь отворилась дверь, он уже знал, где находится. Юноша из банка достаточно давно оставил его здесь в одиночестве и ушел, но он не слышал удаляющихся по галерее шагов. В конце галереи была лестница: спустившись по ней, можно было попасть во внутренний двор, а из этого двора – в помещение, где танцевала девушка по имени Симонетта. Но звуков лиры уже не было слышно.

– *Lux in tenebris lucet, sicut in terra et in caelo*⁶.

Голос, прозвучавший как удар колокола, заставил его вздрогнуть. На пороге кабинета стоял невысокий розоволицый мужчина со строгими глазами, наряженный в тунику и тюрбан, словно гранадский мавр. За его спиной появился юноша из банка с невозмутимой улыбкой. Незнакомец вошел в кабинет и учтиво поклонился. Неужели это он только что говорил на латыни? С трудом верилось, что у такого щедедушного человечка может быть столь сильный и звучный голос.

– Меня зовут Марсилио Фичино, я врач и преданный слуга семейства Медичи. Полагаю, вы знакомы с Америго Веспуччи, нашим поверенным в делах. Синьор Лоренцо сожалеет, что не может присутствовать здесь, поскольку участвует в совете Синьории, который собрался по случаю приближающегося карнавала. Его брат Джулиано в настоящее время оправляется после неудачного падения с лошади и также не может прибыть.

Теперь он говорил на тосканском наречии, медленно выговаривая каждое слово, чтобы быть уверенным, что его понимают. Молодой поверенный также отвесил поклон и указал на один из стульев возле письменного стола.

– Садитесь, прошу вас, – пригласил миниатюрный синьор Фичино. – Я слышал, вы изрядно напугали наших юных заговорщиц, собравшихся в зале.

Тафур укоризненно взглянул на улыбающегося Веспуччи, щеголявшего в атласном камзоле с кружевным воротником. Этот утонченный аристократ оказался на редкость неделикатным.

– На самом деле речь идет о сюрпризе для всех нас. – Фичино устроился на скамье у письменного стола. – Синьор Лоренцо намеревается показать танец, который вы видели, на завтрашнем празднике. Он сам придумал его и посвятил Венере, богине, которая всех пленяет, но никому не раскрывает своих тайн...

Фичино сделал паузу, а когда снова заговорил, в его голосе промелькнуло едва заметное раздражение.

– Если вы не сядете, нам придется разговаривать стоя. Однако будет куда удобнее, если мы все втроем присядем.

Веспуччи указал Тафуру на стул. Хозяин кабинета протянул руку и дернул за шнур колокольчика. Жестами он походил на священника, хотя и представился врачом. Да и голос его был голосом служителя Господа, проповедующего с амвона. Видимо, он был одновременно священником и врачом, а кроме того, еще и весьма экстравагантной, хотя и мрачноватой личностью. Туника и тюрбан вряд ли были карнавальным нарядом.

Вошел паж, неся на подносе серебряный кувшин и два бокала с испускающим пары вином. Веспуччи, по-прежнему улыбаясь, протянул один бокал ему, а другой взял себе. Тафуру вновь вспомнились слова Бенассара о беспричинных страхах и химерах воображения, именуемых предчувствиями. В затхлую атмосферу кабинета ворвались ароматы вина.

Каноник Фичино продолжил разговор:

– Прежде всего, дон Педро Тафур... Вы позволите называть вас вашим настоящим именем?

---

⁶ Свет во мраке светит как на земле, так и в небесах (*лат.*).

Тафур почувствовал, как сильно жмет ему в подмышках камзол. Он кивнул и поднес к губам бокал, чтобы собеседник не увидел его лица в этот момент. Он не мог пускаться в разъяснения, тогда ему пришлось бы выдать, какое поручение дал ему герцог Медина.

– Прежде всего прошу у вас извинения за это приглашение в столь неурочный час. Простите также, что заставили вас ждать, но мы до последнего часа не были уверены в том, что можем рассчитывать на ваше присутствие. Только в полдень мы узнали, что вы находитесь в городе. К сожалению, время торопит. Завтра вы отбываете в Венецию.

Тафур медленно поставил бокал на стол. Кроме брата Антонио, никто не знал маршрута его путешествия. Каноник перевел взгляд на Веспуччи, предлагая ему взять слово. Казалось, оба читали мысли Тафура.

– Вы предполагали выехать рано утром с почтовой каретой, чтобы в тот же день достичь Болоньи. Однако карета отправится в путь сильно нагруженной, и для вас будет большой удачей, если вы к вечеру доберетесь до Сассо. Да и на следующий день вы вряд ли успеете добраться до побережья в Ферраре раньше, чем отчалит последний баркас, и придется заночевать во владениях Эрколе д'Эсте. А этого я бы не рекомендовал, если вы хотите отплыть в воскресенье на Родос, сохранив не только здоровье, но и весь ваш драгоценный багаж.

Веспуччи говорил слащавым и немного гнусавым голосом, но с менее заметным акцентом, нежели Фичино. Тафур вновь понимал каждое слово. «Сохранив не только здоровье, но и весь ваш драгоценный багаж». О чем еще они успели пронохнуть за считанные часы, начиная с полудня? Он обернулся к Фичино и с удивлением заметил улыбку на устах каноника. Тот пожал плечами:

– Действительно, дон Педро, мы кое-что узнали о вас. Вы сами заставили нас это сделать за вашей спиной. Мы не могли поступить иначе, коль скоро речь шла о чужестранном госте Флоренции и доверенном лице герцога Переса де Гусмана: наш дом почитает за честь служить его интересам. Как вам объяснил Америго, дорога таит в себе множество опасностей. Ехать с почтовой каретой крайне безрассудно. Синьор Лоренцо предоставит в ваше распоряжение экипаж и охрану, чтобы вы завтра в полночь могли выехать в Венецию. Вы выиграете целый день, поедете под охраной, и к тому же вам представится возможность лицезреть перед отъездом танец Венеры.

Тафур отпил большой глоток из бокала. А если он предпочитает уехать сию же минуту? Он глубоко вздохнул и выпрямился на стуле. Тут нужно было действовать наугад.

– Могу вас уверить, что интересы герцога надежно защищены. – Он отогнул полу плаща, вытянул на вершок шпагу из ножен и тут же с коротким звяканьем задвинул ее на прежнее место. – Сделайте милость, передайте синьору Лоренцо, что я глубоко признателен ему, но не могу брать обязательства за герцога без его согласия. Что же касается лично меня, то я сомневаюсь, что могу быть полезен этому дому чем-то таким, чего не могут для него сделать другие, а быть должником не в моем обычае.

Фичино медленно встал и обошел письменный стол. Невозмутимо взглянул на шпагу.

– Это толедский клинок? Простите мне мое любопытство, но я хотел бы полюбоваться еще раз.

Тафур поднялся со своего места, извлек шпагу из ножен и, положив ее конец на левое предплечье, протянул канонику:

– Она досталась мне в наследство от деда, дона Альваро Тафура, который заказал ее для моего покойного отца дона Хуана Тафура у мастера Пелайо из Толедо.

Каноник впился в длинный вороненый клинок восхищенным взглядом. Однако же не захотел брать его в руки.

– У вас может составить превратное представление обо мне. Я солдат от медицины и знаком с оружием только по тому ущербу, какой оно наносит. Хотя способен увидеть в нем красоту, каковая всегда присутствует в творениях настоящего мастера.

Тафур убрал шпагу в ножны. Каноник пристально взглянул на него:

– И еще я способен быть верным слугой, дон Педро. А потому настаиваю, чтобы вы ехали в экипаже и под охраной, каковую вам предоставляет этот дом. Ваша отвага не принесет никакой пользы, если вы не доберетесь живым до Родоса. И еще больше осложните задачу герцогу, без нужды рискуя тем, что он вам доверил. Примите от его имени руку друга, который с должным уважением относится к его высокому титулу. Заверяю вас, что род Медичи не имеет обыкновения требовать плату за свои благодеяния.

Тафур выдержал его взгляд. И вдруг почувствовал, что его подташнивает. Он искоса взглянул на бокал и попробовал припомнить, пил ли вино Веспуччи. Да нет, синьору Фичино незачем прибегать к знаменитым флорентийским зельям. В голосе каноника ощущался напор, он стал вдруг звонким, как сталь клинка.

– Что же касается лично вас, – произнес он, вновь усаживаясь на скамью, – то вы ничего не будете должны. Более того, возможно, это мы будем вашими должниками, когда вы выполните свое поручение. Вы окажетесь на Родосе, у самых ворот Востока, где достоинства такого рыцаря, как вы, будут бесценны, и станете полновластным хозяином своей судьбы. Синьор Лоренцо хочет предложить вам там одно дело. Он поручил Америго и мне поставить вас об этом в известность.

Тафур почувствовал приступ тошноты. Никакое это не зелье, а его кишки, которым он не давал работы с самого утра, после того как позавтракал бобами с салом.

– Моя судьба по-прежнему будет зависеть от воли герцога. Я не могу перейти в распоряжение дона Лоренцо без его соизволения.

– Разумеется, так оно и должно быть. Но я даю вам слово, что наша просьба не принесет никакого вреда герцогу. Вы же получите немалые выгоды. Напишите письмо в Санлукар с просьбой разрешить вам отправиться на Восток. Америго отошлет его через францисканцев, у которых, если не ошибаюсь, нашел приют брат Антонио Марчена, ваш приятель. Мы доставим вам ответ на Родос. Хотя, безусловно, прежде вы должны узнать, в чем заключается наше предложение.

Маэсе Фичино был не иначе как волшебником или прорицателем. Либо брат Антонио случайно проговорился. Не хотелось огульно обвинять его, но именно по его милости Тафур попал в столь безвыходное положение. Он откинулся на спинку стула и прикрыл глаза, слыша урчание в своем желудке. Фичино подал знак, и Веспуччи вышел из кабинета, закрыв за собой дверь. Тафур обратился в слух, но перед его мысленным взором почему-то возникла танцующая Симонетта. Он сможет вновь увидеть ее завтра. Ее платок до сих пор у него.

– Никогда и никому не рассказывайте о том, что вы сейчас услышите, – произнес Фичино. Его голос словно рассеял полумрак кабинета. Тафур потом часто вспоминал эти слова.

* * *

– Вы когда-нибудь слышали о Гермесе Трисмегисте?

Каноник встал и достал с полки книгу. Потом, поднявшись на цыпочки, дотянулся до кожаного цилиндра на верхней полке и тоже положил его на стол. Из лампы посыпались искры, когда он сел на прежнее место.

Тафуру вспомнилось изможденное лицо Мануэля Бенассара. Что-то такое толковал ему старый еврей о знаменитом Гермесе. Но это было в тот вечер, когда неподалеку Кармен с Тересой шили, сидя у окошка.

– Это был египетский мудрец, живший во времена Моисея, – рискнул он. – По-моему, он предсказал пришествие Иисуса Христа, так же как и сивилла Кумская.

Фичино, похоже, был удовлетворен ответом.

– Действительно, это был мудрец и предвозвестник нашей веры. Об этом говорят Лактанций и Августин, хотя последний ошибочно утверждает, что в Моисеевы времена жил астролог Атлас, дед Гермеса. Цицерон же считает, что на самом деле существовало пять разных Гермесов... – Каноник остановился, увидев смущенное лицо собеседника. – Но вы сказали главное. И в любом случае речь идет о древнейших временах. Кое-кто даже полагает, что Гермес – это сам Моисей, и отсюда идет слава о его мудрости и святости.

Тафур в растерянности кивнул. Каноник снова довольно улыбнулся.

– Вы не просто вооруженный рыцарь, каковым имели честь представиться, но вдобавок рыцарь просвещенный. Иначе и быть не могло, если принять во внимание, откуда вы прибыли. Мы превосходно пойдем друг друга. – Фичино придвинул к нему снятую с полки книгу. – Возможно, вам знакомо сие сочинение?

Тафур открыл черный кожаный переплет. И увидел слева яркий фронтиспис с изображениями солнц и треугольников, гирлянд и херувимов. Почему-то он не удивился, увидев знакомое имя:

Pimander

ab

Hermes Mercurius Trismegistus

Ex lingua graeca ad latina

Marsilius Ficinus traduivit⁷

Он слышал, что легендарные трактаты Гермеса тайком читали при дворах половины Европы. Однако до сих пор ему не доводилось держать их в своих руках.

– Не думайте, что я показываю ее вам из тщеславия. – Фичино указал на книгу. – Это не более чем слабая тень оригинала. И, боюсь, своими трудами я приобрел меньше, чем потерял.

Каноник отодвинул книгу и лампу. Он открыл кожаный цилиндр и развернул на столе пергаментный свиток, весь помятый и пожелтевший. Тафур узнал большие греческие буквы, но заранее сдался, даже не попытавшись прочесть их. Поля были испещрены цифрами и диковинными значками, а кое-где – изображениями руки с перстом, указывающим на тот или иной абзац. Чернила до того выцвели, что казалось, вот-вот окончательно растворятся в мерцании свечи.

Фичино взял свиток и подержал его в руках, не сводя с него восторженного взгляда. Потом бережно положил его на стол.

– Это «Пэмандр» Гермеса Трисмегиста. Книга, даровавшая первый свет человечеству.

Тафур разглядывал таинственные знаки. И внезапно почувствовал озноб. Наверное, скоро появятся и настоящие призраки, а все потому, что у него с утра маковой росинки во рту не было. Его глаза сами вернулись к созерцанию свитка.

---

⁷ Пэмандр. Сочинение Гермеса Меркурия Трисмегиста. С греческого на латинский язык переведено Марсилио Фичино (лат.).

– Разумеется, Гермес писал не на греческом, а на священном языке египтян. Но греческие переписчики сумели сохранить смысл его учения – несомненно, более близкого их языку, нежели наша непритязательная латынь. К тому же Фортуна была к ним более благосклонна, чем к скромному переводчику.

Тафур наконец оторвал взгляд от манускрипта. Фичино нахмурился и покачал головой. Потом вздохнул и снова улыбнулся:

– Извините меня, дон Педро. Я должен рассказать вам длинную историю. Только узнав ее, вы сможете по достоинству оценить важность дела, за которое просит вас взяться синьор Лоренцо.

На протяжении веков книги Гермеса считались утерянными, так как никто не видел их с самой глубокой древности. Однако двадцать лет назад до Флоренции докатились известия о том, что некоторые его трактаты благополучно уцелели в Восточной империи, которая вскорости была завоевана Турком. Дон Козимо Медичи, дед дона Лоренцо, сделал все возможное и невозможное, дабы спасти трактаты, движимый не только естественным интересом к столь древним сочинениям, но и желанием выяснить, не содержится ли в них рецепта какого-нибудь чудодейственного снадобья от его недугов, ибо был он уже стар и болен. Как только манускрипт оказался во Флоренции, каноник немедленно начал его переводить, но тут внезапно выяснилось, что текст неполон, поскольку в общем перечне было указано пятнадцать трактатов, а в пергаментных свитках их содержалось всего четырнадцать. Мало того, недостающий трактат отличался от всех прочих: мудрец Гермес дал в нем некий ключ к пониманию остальных сочинений. Таким образом, каноник напрасно корпел над манускриптом: дон Козимо сошел в могилу, так и не обретя желанного утешения.

Недавно этот недостающий трактат обнаружился, и тоже на Востоке. По крайней мере, мы на это надеемся. Один наш агент, освобожденный из ливийского плена, видел его в прошлом году в одном из монастырей Каппадокии. Тамошние монахи не захотели продать манускрипт, однако он уговорил их сделать с него копию, но, когда явился за нею, его захватили янычары, а потом продали ливийским пиратам.

Пленник пробыл в руках ливийцев целый год, что же касается трактата, то он, должно быть, до сих пор находится в монастыре – греческом, а не католическом, то есть избавленном от набегов турок. Монастырь расположен в девяти днях пути от Родоса, куда сейчас как раз направится Тафур. Синьор Лоренцо хотел поручить ему посетить это место и выкупить трактат или в крайнем случае попросить у монахов его копию. Если же трактат там не обнаружится, ему следует любой ценой разузнать, где он, и добраться до этого места. Банкирский дом Медичи щедро вознаградит его за труды и, разумеется, возместит все его расходы, связанные с участием в столь рискованном предприятии.

Часть от этих двухсот флоринов должна убедить каппадокийских монахов. – Фичино вынул из-под туники фетровый мешочек, наподобие тех, какими пользовались в банке Медичи. – В Анталье, что лежит в трех днях пути от Родосского пролива, вы отыщете купца Ибн Желиса, и он снабдит вас всем необходимым для путешествия по суше. Скажете ему, что направляетесь в Конью – это край паломников, и больше ничего объяснять не нужно. Я сам укажу вам все пункты вашего маршрута, если вы согласитесь на наше предложение.

Тафур взглянул на фетровый мешочек и снова перевел глаза на пергаментный свиток. Двести золотых флоринов? На такую сумму все секретари герцога, включая его самого, могли бы прожить в свое удовольствие целый год. А дон Лоренцо готов отдать ее за книгу, которая бог знает сколько столетий пролежала в Каппадокии. Конечно, это первая весть о пришествии Христа, но разве сам Христос не возвестил об этом именно Своим пришествием? Непонятно было и то, почему эту миссию решили поручить ему. Они его раньше в глаза не видели, и к тому же он никогда не бывал на Востоке.

– Не разумнее ли будет послать туда агента, заказавшего копию? Он уже вел переговоры с монахами и знает дорогу.

– Год, проведенный на галерах, подорвал его здоровье. К тому же после возвращения в Италию его похитили разбойники. Да он ни за что не согласился бы снова вернуться туда, пусть даже звезды были бы к нему благосклонны. Да, это весьма рискованное предприятие, я вас предупреждаю.

Дороги прежней империи еще опаснее итальянских. Ему придется денно и ночью быть начеку, чтобы не попасть в лапы к янычарам султана Мехмеда. И это не единственные его враги.

– К сожалению, наш агент успел рассказать свою историю, не доехав до Флоренции. Есть другие силы, заинтересованные в том, чтобы завладеть трактатом, но преследующие не такие возвышенные цели, как мы. Воскресный конвой, отплывающий из Венеции, станет первым с осени, однако наши соперники не замедлят послать своих собственных агентов на Восток.

Тафуру придется в одиночку бороться с ними, если они сумеют догнать его. Как только он окажется за пределами Анталы, ни дом Медичи, ни купец Ибн Джелис не смогут прийти ему на выручку.

– Слово Гермеса призвано нести свет, – сказал Фичино, – однако с начала Творения свет приносил с собой тьму. Люди, о которых я вам говорю, ни перед чем не остановятся, когда узнают, что вы их обогнали. Если вы столкнетесь с их агентами, жизнь ваша окажется под угрозой.

Казалось, значки на пергаменте пляшут в мерцающем пламени свечи. Тафур явственно почувствовал, как сильно забилося его сердце. С какой целью хотели завладеть трактатом враги Медичи? А сами банкиры? Если бы то были не священные письмена, разве стали бы они так яростно соперничать из-за каких-то ветхих рукописей?

– Вы верите в истину, дон Педро?

– Я верю в Бога и Его заповеди. И в Священное Писание. Эту веру передали мне мои предки.

Каноник задумался:

– А если я вам скажу, что трактат Гермеса заключает в себе эти заповеди? Что он озаряет их тем же божественным светом?

И вновь голос Фичино словно околдовывал его.

– Вы рискуете быть неправильно понятым, – с досадой произнес Тафур. – Папа может отлучить вас от Церкви, приняв за еретика.

– Ну так как, дон Педро? Не хотите увидеть свет, который заслоняют от нас тени этого мира?

Каноник встал, наклонился над свитком и сложил руки, как для молитвы. Потом обоими указательными пальцами нарисовал в воздухе окружность, а внутри нее – треугольник. Звезды и солнца, рожденные в отсветах лампы, на какой-то миг замерцали меж его пальцами. Когда он произнес странное заклинание, Тафур с трудом удержался, чтобы не осенить себя крестным знаменем.

* * *

– *Veloce!*⁸

Лошади понеслись напрямик и вырвались на равнину. Позади остались горы Тосканы с оливковыми рощами на склонах и черными пятнами оврагов; каменоломни Сассо, поля Болоньи. Впереди же – еще Феррара и Падуя, ночь и дорога.

---

⁸ Быстрее! (*ит.*)

Тафур дернул кучера за рукав:

– Долго еще? Манса molto?⁹

Накануне, во время праздника, он рискнул заговорить на итальянском. Но сейчас-то с какой стати делать над собой такое усилие? Кучер искоса взглянул на него с козел, потом внимательно всмотрелся в дорогу и покачал головой.

– Un po meno de un'ora! – крикнул он, морщась от ветра. – Ma il signore si riposi...¹⁰

Чуть меньше часа, но это только до следующей почтовой станции. Затем они переправятся через По и окажутся в Республике Благоденствия, хотя в саму Венецию попадут только завтра. Следовало бы немного отдохнуть.

Он устроился поудобнее среди подушек и на мгновение закрыл глаза. Но разве уснешь в таком грохоте? Камни, летевшие из-под копыт, со стуком ударялись в дно и стенки кареты, лошади ржали, громко переговаривались между собой сопровождавшие его всадники. Да и в душе его не было покоя: разные мысли сверлили голову от самой Флоренции. Он не сомкнул глаз накануне, и эта ночь, похоже, тоже не станет для него передышкой. И все же Веспуччи был прав, отсоветовав ему ехать с почтовой каретой. Они обогнали ее еще утром, при въезде в Сассо, где дорога позволяла спокойно разъехаться.

Тафур приподнялся на подушке и посмотрел на всадников, ехавших впереди. Двое других обиженно скакали сзади, после того как он запретил им слишком приближаться к карете. В полях Тосканы они упорно ехали по бокам, отгоняя землешцев, которые сбегались к карете, завидев герб Медичи. К тому же один из стражников посмел сунуть нос в его дорожную сумку.

– Il camin è pericoloso, – сказал кучер, заметив его недовольный жест, когда стражники разгоняли крестьян. – Dobbiamo proteggere il signore¹¹.

Но, наверное, не менее опасно путешествовать, словно арестанту, под конвоем четырех тюремщиков, пусть даже они и носят шесть червлёных шаров на своих ливреях. Когда они плыли с братом Антонио по морю, для него не существовало опасности, которую нельзя было бы устранить с помощью шпаги, если не считать морских бурь. Но стоило приехать во Флоренцию, как душа его наполнилась страхами и недобрыми предчувствиями. Теперь он должен был опасаться не только за письмо герцога, но и за поручение Медичи, а попутно и за свою жизнь и, между прочим, за свою душу, которая вот уже восемь дней живет без покаяния. И одному Господу ведомо, сколько еще дней ему придется провести в неизвестности и тревоге.

Он закрыл глаза и не открывал их, несмотря на назойливый перестук копыт. Из темноты выплыло лицо прекрасной флорентийки. В какое мгновение она его околдовала? Любовь входит через глаза, из глаз же струится ее свет, говорил Авиценна, а это был мудрец, хотя и мавр. Она проникает в самое сердце, оставляя там след, который не в силах стереть ни насмешки, ни разлуки. Эта истина также отпечаталась в его душе наряду со всеми уроками старого еврея, его наставника. Всего один миг смотрела на него Симонетта, стоя под лампой в музыкальной зале. Свет, струившийся из ее очей, сделал из него пленника.

А не было ли все это подстроено каноником Фичино? Но даже предполагать такое – оскорбительно для девушки. И для каноника тоже, как-никак он слуга Церкви. Тем не менее он, Тафур, не согласился бы так быстро отправиться на поиски трактата, не будь его душа смущена, а чувства и мысли в смятении. Не принял бы он и другое предложение, которое каноник и Веспуччи сделали ему перед самым отбытием. Покинув кабинет Фичино, он спустился во двор и увидел ту самую девушку у фонтана, и она стояла там одна, хотя было уже очень поздно. Он выхватил ее платок из рукава так, словно это был раскаленный уголек. Девушка засмеялась

---

⁹ Долго еще? (*ит.*)

¹⁰ Чуть меньше часа! Но если синьор хочет отдохнуть... (*ит.*)

¹¹ Дорога опасна. Мы должны охранять синьора (*ит.*).

под вуалью. Она снова на него взглянула. *Grazie. Aspetto il mio scuderio*¹². Куда мог подеваться в такое время ее слуга? Тем более оставив ее одну?

Сердце предостерегало его, но он был не в силах побороть искушение. Снова и снова искал он ее глаза, скрытые вуалью. Почему он не призвал тогда на помощь Кармен? Почему не взывает к ней сейчас? Если, возвратившись в Санлукар, он узнает, что Кармен стала женой дона Фадрике, ему не на кого будет пенять. Встречались в хрониках рыцари, которые служили чужой даме, относясь к своей как к святой в алтаре, но они не меняли первую на вторую, а оберегали обеих от обид и оскорблений. Он должен подробно объяснить все это Кармен. Но пока не пришла эта пора, наверное, лучше будет промолчать об этом. Что же до остального, то на следующий вечер прекрасная дама его словно не замечала. Чтобы ввергнуть в еще большее искушение? Или же просто ослабила свои чары, так как поняла, что он уже пленен? Вопросы стучали в висках, словно камешки под каретой. Впрочем, камешки уже не стучали, и копыта тоже не цокали. Экипаж остановился у почтовой станции.

Появился смотритель с масляной лампой в руке. Осторожно ступая меж навозных куч, над которыми поднимался пар, он приблизился к ним. Конюхи расседлали скакунов эскорта, затем распрягли карету и увели лошадей. Тафур не отходил от своего сундучка, пока запрягали новую четверку лошадей, на сей раз вороных, которые недовольно пофыркивали из-за того, что их сон столь бесцеремонно нарушили. Тем не менее они с места взяли в галоп, и карета покатила в направлении переправы через По. На следующем повороте один из стражников поскакал по полю наискосок, чтобы успеть перехватить баркас на этом берегу. Над полями Феррары поднималась густая пелена тумана, превращавшаяся в бесформенные клочья, когда ее рассекала на своем пути карета. Кучер протянул плащ, и Тафур с удовольствием закутался в него.

Да, прекрасная дама его словно не замечала. И обменяться с ней каким-нибудь знаком так, чтобы этого не заметил дон Джулиано Медичи, тоже было невозможно. Последний не спускал с нее глаз на протяжении всего праздника и не позволял больше ни с кем танцевать. Поклоны, вращения, повороты... Кто рискнул бы соперничать в изяществе с хозяином дома? Уж конечно, не он, со своими неуклюжими ногами в походных сапожищах. Несмотря на вчерашние объяснения Фичино, дон Джулиано не выглядел ни больным, ни выздоравливающим. Разве что его болезнь тоже именовалась любовью и прекрасная Симонетта была одновременно и недугом, и лекарством от него.

Он спрятался в уголке, за спиной у Веспуччи, чтобы другие приглашенные не задали ему неуместных вопросов, но когда наступила очередь танца Венеры, не сумел удержаться и протиснулся в первый ряд зрителей. Симонетта должна была его видеть, когда она и ее подруги танцевали под звуки гармоничной музыки, изящные и невесомые, как три грации. Но на этот раз ее глаза ни разу не блеснули под маской. Не успела затихнуть лира, как к нему подошел Веспуччи. Уже наступила полночь, и карета ждала его у дверей.

Он приподнялся на подушках и дотронулся до нагрудного кармана. Чуть ниже прощупывался бархатный мешочек, который портной Медичи принес к его сорочке. Он открывал его всего раз, когда Фичино и Веспуччи показали ему этот мешочек в кабинете, но даже еще не разглядев как следует его содержимое, он навсегда впитал глазами цвет этого порошка. Да, именно порошка, из тех, что художники используют для изготовления красок, сочетавшего в себе серые и зеленоватые, голубые и аквамаариновые тона, краски моря на закате. Точно такого цвета были глаза у Симонетты.

Наконец, сраженный усталостью, он уснул. Неизвестно, сколько времени он проспал, когда услышал ржание лошадей, и в тот же миг кучер повалился на него с козел. Тафур схва-

---

¹² Спасибо. Я дожидаюсь своего слугу (*um.*).

тился за эфес шпаги, но не мог выхватить ее из ножен: мешал кучер, навалившийся на него всей тяжестью. Тафур потряс его за плечи.

– *Banditti, signore! Ladri!*¹³

Разбойники? Бандиты?

Он вскарабкался на козлы и ухватился за висевшие поводья. Потом спрыгнул на землю, сжимая в руке шпагу, и вдруг почувствовал такой холод в груди, словно на нем не было кафтана: казалось, сырой туман проник во все поры. Сбоку от дороги, шагах в двадцати от экипажа, мчались две тени, преследуемые стражниками арьергарда.

Тафур подошел вплотную к карете и вновь почувствовал холодок: у него похитили дорожную сумку с письмом к Кармен и векселем герцога.

Кучер пытался удержать его, когда он рванулся в сторону леса. Впрочем, Тафур сам остановился, увидев испуганные глаза кучера, уставившиеся на его грудь. Он повернулся в сторону луны, всходящей над лесом, пощупал продырявленную сорочку, мокрое пятно на груди и взглянул на свои влажные и темные пальцы на свету. Кучер оторвал рукав рубашки, чтобы остановить кровь. Один из передних стражников спешил и бросился на помощь.

Тафуру помогли забраться в карету, но перевязывать себе рану он не позволил, занявшись этим самостоятельно. И хотя крови вытекло порядочно, речь шла о пустяковой царапине, которую ни один уважающий себя турнирный боец и раной-то не назовет. Письмо герцога не пострадало. Несколько капель крови попало на бархатный мешочек. Он оторвал его и сунул в карман. Потом осмотрел шпагу. И с таким оружием он надеялся совершать подвиги на Востоке? Если бы не кучер, валяться бы ему сейчас с кинжалом между ребер.

Стражник вновь сел в седло, говоря, что пора отправляться, не медля ни минуты. Синьор ранен, и к тому же не исключено, что неподалеку прячутся другие бандиты. Двое других стражников отобьют сумку и догонят их. Тафур бросил тревожный взгляд в сторону леса. Почему они так долго не возвращаются? Уже давно из-за деревьев слышалось лязганье оружия, крики, проклятья, потом чей-то стон. Тем не менее стражник был прав, они не могли задерживаться здесь, если не хотели подвергнуться новому нападению. Кучер боязливо залез на козлы и хлестнул бичом.

– *Veloce! Fino a Venezia!*¹⁴

* * *

Любезная Кармен!

Как видишь, приходится просить у тебя прощения. Я не забывал о тебе все эти дни, которые слились в один только на бумаге, в жизни же оказались и длинными, и тяжелыми. Нет, не невнимательность и непостоянство отдалили меня от тебя, не позволив предаваться сладким воспоминаниям, а судьба путешественника, на долю которого выпадает немало забот и невзгод. Но теперь они все позади, так что не беспокойся.

Я оставил тебя в Ливорно с братом Антонио. Оттуда мы доплыли до устья Арно и вскоре очутились в Пизе, втором городе Тосканы, которая, подобно младшей сестре, подчиняется Флоренции. Некоторые считают, что она была бы третьим городом, принадлежи Сиена флорентийцам, которые страстно того желали, но сиенцы им не позволили. Это вообще свойственно всей Италии, донизу разделенной на королевства, герцогства и разные владения,

---

¹³ Бандиты, синьор! Разбойники! (ит.)

¹⁴ Скорее! Вперед в Венецию! (ит.)

так что нет единого правителя, которому бы все подчинялись, даже у Папы нет такой власти. Самыми сильными здесь считаются Флоренция, Венеция, Милан и Генуя, а также собственно Папство и Неаполитанское королевство. Особняком стоят Урбино, Феррара, Модена и другие более мелкие, но не менее воинственные владения и области. Все воюют между собой, но стоит кому-нибудь одержать верх, как его бывшие союзники бросают его, опасаясь, что победитель захочет покорить и их самих. И снова плетутся заговоры и вспыхивают войны.

Гордостью Пизы служит площадь, называемая площадью Чудес. Там находится собор Благовещения, украшенный многочисленными арками и колоннами, каковые расположены в таком порядке и гармонии, что этот ансамбль кажется небесным, а не земным творением. Напротив стоит баптистерий, а сбоку высится башня колокольни, – кампанила, как ее здесь называют, – подобно маяку она направляет путешественников, плывущих вверх по Арно. Эта башня представляет собой чудо из чудес, но не из-за своей высоты, поскольку она, пожалуй, не будет выше на-шей Хиральды¹⁵, а потому, что она сильно наклонена к земле, но каким-то образом не падает. Она не была построена такой намеренно: просто во время строительства грунт под фундаментом просел, и пизанцам пришлось исправлять положение по ходу стройки, так что в итоге получилась у них «падающая башня». Все это рассказал мне один местный монашек, подтвердив свои слова сделанными на мраморе зарубками, они произвели на меня большое впечатление.

Ты, конечно, с нетерпением ждешь, когда я приеду во Флоренцию, наслушавшись похвал ее младшей сестре. Признаюсь, я все еще плутаю в излучинах Арно, не зная, с чего начать и как рассказать об этом городе из городов и его несравненной красоте. Отягощенный разными заботами, я сумел повидать лишь немногие из его красот, но и этого немногого мне хватило, чтобы покинуть город с грустью.

Сразу же по прибытии сталкиваешься с первыми достопримечательностями: это мосты через Арно, и самый древний и значительный среди них – Понте-Веккьо. Его длина от берега до берега составляет сорок вар¹⁶, а ширина – тридцать, и благодаря таким размерам он больше похож не на мост, а на огромный дом, подвешенный над рекой. По обеим его сторонам и в самом деле теснятся лавки мясников и красильщиков, дабы запахи, сопутствующие их ремеслу, не проникали в город, и между этими лавками еще остается место для проезда воловьей упряжки. Перейдя мост, ты оказываешься на огромном рынке, где крестьяне торгуют плодами своего труда, а горожане – своими изделиями и где столько всего продается и покупается, что кажется, здесь встречается вся Флоренция, и простолюдинка запросто беседует со знатным сеньором, а слуга с госпожой, что бы там ни говорилось в известном присловье. Тут же рядом находится площадь Синьории, напоминающей наш дворец, с той лишь разницей, что Флоренция – республика, и потому он принадлежит не единому властелину, а всем самым знатным людям города. Это буквально так, ибо есть среди них более и менее знатные, а над всеми ними стоят банкиры Медичи. Дворец этот – великолепное, роскошное здание, хотя и выстроен странным образом, ибо с одного крыла он узок, словно бастион, другое же крыло столь длинно, что напоминает крепостную стену. Внизу располагается лоджия со статуями, некоторые из них, как рассказывают, сохранились со времен Рима, хотя я по причине занятости видел их мельком.

Ты спросишь, о какой такой занятости я веду речь, коль скоро успел повидать столько прекрасных вещей. Но уверяю тебя, во Флоренции следует бежать от красоты, настолько ее много. Что же касается занятости, то речь идет о долге вежливости по отношению к семейству Медичи, пригласившему меня посетить их дом. Чтобы не привлекать к себе внимания, я поселился в скромной гостинице, и они прислали за мной гонца, узнав, что я посланец герцога.

---

¹⁵ Знаменитая башня в Севилье, возведенная арабами в конце XII в. и достигающая в высоту почти ста метров.

¹⁶ Вара – испанская мера длины, равная 0,83 м.

В тот же день меня пригласили в их дом, а на следующий – на маскарад, устраиваемый по случаю карнавала, и там я познакомился с самим доном Лоренцо Медичи, который был очень любезен со мной. Он предоставил мне свой экипаж для поездки в Венецию и подарил шелковую сорочку. И еще он дал мне кое-какие поручения, воспользовавшись моим путешествием, какое надеюсь удачно завершить и благополучно возвратиться в Санлукар.

А теперь от радостных вестей, Кармен, я должен перейти к более грустным. Не хотелось бы прощаться с тобой подобным образом, но вряд ли смогу написать о чем-то другом: меня одолевает усталость и слипаются глаза. По дороге в Венецию, где я сейчас нахожусь, на мою карету напали разбойники, похитившие уже написанное письмо к тебе и векселя герцога. Но не беспокойся! По-настоящему это и нападением-то нельзя назвать: злоумышленники прыгнули в карету с придорожного дерева, и все это длилось считанные мгновения. Стражники дона Лоренцо сумели нагнать разбойников и отобрать у них похищенную сумку, однако мое письмо вернулось ко мне в столь плачевном виде, что мне придется его снова переписать. И потому я уже не успею отправить его из Италии, как намеревался, ибо завтра на рассвете мы отплываем на Родос.

Итак, расстаюсь с тобой в Венеции и обещаю отправить это письмо и предыдущее, то, что буду переписывать, из первого же порта, где отыщется почта. А пока позволь вручить себя Провиденцию, ибо начинается путешествие по морю, причем по той его части, где возможна встреча с турками, что мог бы подтвердить мой покойный отец, если бы вернулся на родину. Если же меня ожидает его судьба, обещаю, что будешь помнить меня и после окончания траура и постараешься выйти замуж и обрести счастье. Моя душа не успокоится, зная, что я оставил на твою долю одни лишь горести.

Преданный тебе...

Тафур отложил перо и перечитал последние строки. Как же Кармен не волноваться, коль скоро он делает столь мрачные прогнозы? Она заподозрит, что он умалчивает о других невзгодах или, того хуже, сам ищет смерти и торопится зажечь поминальные свечи. Странно было бы, если бы он стремился к смерти сейчас, – помимо того, что это вообще святотатственное желание, – когда только что спас себе жизнь, когда слава и удача ожидают его на Востоке. Но об этом он тоже не мог рассказать Кармен.

Он отодвинул последний лист письма и положил его вместе с теми листами, что вернули ему стражники. Почувствовав металлический привкус во рту, он подошел к окну вдохнуть свежего воздуха. Мимо гостиницы проплывала невесомая гондола, направляясь в сторону Риальто, где они высадились в полдень. Вокруг пристани царило праздничное оживление, а по Большому каналу сновали разукрашенные гондолы, наполненные людьми в карнавальных одеждах. Несколько венецианцев с песнями перешли через мостик на углу улицы. Какое-то чучело в черном плаще и белой маске, с огромным клювом на месте носа, метнулось в одну сторону, потом в другую, пытаясь выбраться из лабиринта каналов. Тафур нахмурился. Зловещий клюв напомнил ему о Фадрике Альваресе, претенденте на руку его суженой.

Он чуть отодвинул занавеску и высунулся из окна. Внизу, на берегу канала, стражники герцога продолжали мерзнуть у дверей. Ему стало стыдно за то, что он напоследок отругал кучера; бедняга так и не понял, за что он впал в немилость. Наверное, двое других стражников тоже не виноваты, разве что те двое, что потом отняли сумку у грабителей, но праведники всегда платят за чужие грехи, как учит Евангелие. Он вновь почувствовал солоноватый привкус во рту. Не прилила ли у него к горлу кровь из раны? Он погладил грудь и приподнял повязку под сорочкой. Рана уже подсохла и покрылась корочкой.

Он повернулся к столику, за которым писал, и его взгляд вновь задержался на лежащих перед ним листках. Он надеялся хорошенько осмотреть содержимое своей сумки по приезде в гостиницу, хотя уже на баркасе начал с подозрением вглядываться в покорные лица стражни-

ков. Векселя герцога были черны от крови и грязи. Что же касается письма к Кармен, то его вторая страница находилась на месте третьей. В ее углу остался смазанный отпечаток указательного пальца. Кто-то читал его письмо.

* * *

Холодный северо-восточный ветер надувал паруса, украшенные большими красными крестами рыцарей святого Иоанна. Флагманский корабль шел во главе конвоя, за ним следовало одно из тех судов новомодной постройки, что получили наименование каравелл; далее плыли пузатые карраки, двухмачтовые грузовые суда, боевые галеры, рассекавшие волны длинными веслами. Арсенальная пристань и купола собора Святого Марка постепенно исчезали за кормой по мере того, как впереди вставало солнце. Достигнув горла бухты, шкипер флагмана приказал пропустить вперед каравеллу, и та, словно норовистая кобылица, рванулась вперед и загарцевала на волнах.

Рыбаки, сопровождавшие флотилию от самой гавани, некоторое время держались поблизости, но вскоре повернули назад, к своим деревушкам, разбросанным среди болот. Несколько матросов вскарабкались на мачты, чтобы попрощаться с удалявшимся городом.

Тафур стоял на корме, пока окрестные селения и темно-зеленые болота не скрылись из виду. Потом он перешел на бак, где его радостно приветствовал стоявший у штурвала шкипер. Это был рыцарь-госпитальер из Тюрингии, здоровый как буйвол, с лысой, как колено, головой и улыбкой младенца, у которого во рту всего четыре зуба. Языку Кастилии, звучащему в его устах чересчур отрывисто и гортанно, он научился у испанских госпитальеров, осевших на Родосе. Звали его Маркус Хорст.

Шкипер передал штурвал своему помощнику и подошел к Тафуру:

– Ваша милость поднялась на борт в самый последний момент. Мы уж думали, вы решили остаться в Венеции.

Тафур действительно долго выжидал, прежде чем взойти на борт. Шкиперу даже пришлось звать его, потому что юнги уже убирали сходни.

– Кто-то не пришел проводить вас? Какой-то ваш друг? – Шкипер лукаво посмотрел на него. – А может, дама?

Тафур покачал головой. Кто мог провожать его, кроме стражников дона Лоренцо? Что касается дам, то он намеревался заглушить в себе воспоминания о флорентийской Венере. Впрочем, не она была причиной его задержки на берегу. На пристани ему вновь померещились призраки, однажды уже взбудоражившие его воображение. Точнее, речь шла об одном-единственном призраке – доне Фадрике, одетом в тот же черный плащ и с белой маской на лице. Он расхаживал по берегу с видом человека, разыскивающего свой корабль. Когда юнги начали убирать сходни, Тафур потерял его из виду. И уже с палубы корабля увидел, как тот удаляется в сторону галерной пристани.

– Мне показалось, что в толпе мелькнул один мой знакомый. Но я ошибся.

Шкипер был добродушным человеком, но туговатым на ухо, а возможно, и туповатым.

– Ваша милость скоро вернется назад. Увидите, какой праздник тогда вам закатят. Как вы разместились в командорской каюте?

– Превосходно, ваша милость, благодарю вас.

– Зовите меня брат Маркус, ваша милость. Таково мое имя в ордене.

Тафур спросил, когда он сможет поблагодарить командора Родоса за то, что тот разместил его в своей каюте. Он видел его лишь мельком, перед самым отплытием.

– Возможно, в один из ближайших вечеров, если мы пристанем к берегу. Командор просил передать вам, что будет находиться на борту каравеллы вплоть до прибытия на Корфу. Он сожалеет, что до той поры не сможет наслаждаться обществом вашей милости, ибо с нами

плывет еще один гость, который также требует внимания. – Помолчав, Маркус смущенно добавил: – Надеюсь, вы не против того, чтобы вашим соседом по каюте был ваш покорный слуга?

Тафур заверил, что о лучшем соседстве не мог и мечтать, но в глубине души ощутил разочарование. Он надеялся, что командор просветит его относительно той части восточного побережья, что расположена напротив Родоса. Загадочный гость – это, очевидно, какой-нибудь высокопоставленный венецианский вельможа, которому его, Тафура, не сочли нужным представить. Неужели недавний прием в палатце так вскружил ему голову? Поистине, в тихом омуте черти водятся, как сказала бы Кармен.

Он обернулся и поискал глазами каравеллу – белый треугольник, маячивший у самого горизонта. По правому борту флагманский корабль догоняли боевые галеры: благодаря попутному ветру гребцы отдыхали. Тафур обратил внимание, что на их парусах отсутствуют красные кресты.

– Это генуэзские корсары, – угрюмо объяснил Маркус. – Они служат нашему ордену. В иные времена они бросались врассыпную при виде наших кораблей, а нынче охраняют наши кресты. Но в глубине души были бы рады-радешеньки продать нас туркам, как поступили их соотечественники с защитниками Константинополя.

Тафур промолчал. От шкипера не укрылось, что его собеседник смущен.

– Прошу вашу милость извинить меня, наверное, у вас есть друзья в Генуе...

– Да нет, насколько мне известно. И еще мне известно, что не все генуэзцы покрыли себя позором в этом сражении. – Тафур вздохнул. – Мой отец был в числе защитников города вместе с доном Джованни Джустиниани и братьями Боччъярдо, которые бились до конца рядом с императором Палеологом.

Шкипер от удивления широко раскрыл рот, обнажив единственный клык.

– Простите мне эти необдуманные слова, ваша милость. Я не сообразил, что вы уже взрослый мужчина... Могу ли я узнать, как звали вашего достопочтенного отца?

– Хуан Тафур-и-Лусена, идалго из Санлукара. Но я не успел узнать его, как вы можете заключить из моего возраста.

– Да воздаст ему по заслугам Господь. И да останется он навсегда в вашей памяти, а с сегодняшнего дня – и в моей тоже. – Маркус с еще большей неприязнью взглянул на галеры. – Ну, тогда вам не нужно объяснять, о каком предательстве я толкую.

В последние дни осады Константинополя генуэзцы с соседнего полуострова Пера открыли ворота Босфора туркам в обмен на обещание не трогать их имущество. Не удовлетвовавшись этим позорным поступком, они предупредили Мехмеда о передвижениях христиан, стремившихся прорвать осаду города. Константинополь пал, и с той поры военные суда султана Османской империи беспрепятственно бороздили воды Средиземного моря вместе с целым легионом пиратов и корсаров разного рода и племени, от Сирии до Триполитании и от Египта до Алжира.

– С тех пор здесь настали плохие времена. А будет еще хуже. – Маркус заметил, что Тафур не сводит глаз с генуэзских галер. – Но ваша милость не должна тревожиться из-за этих разбойников. Ни один волос не упадет с головы того, кто является гостем Родоса. Ну а если они осмелятся на какие-то козни, то будут иметь дело со мной.

Шкипер с угрожающим видом погладил ремень, на котором висела его шпага. Тафур невольно бросил взгляд на его лысый череп. Казалось, еще немного, и он разглядит мозги под этой гладкой, без единого волоска, кожей. Но в любом случае, когда они будут заходить в порты, желательно, чтобы Тафур не приближался к галерам генуэзцев. Никогда нельзя быть уверенным в их намерениях, даже если столкнешься с ними лицом к лицу.

Рулевой начал подавать какие-то знаки.

– С вашего позволения, дон Педро, я должен вас покинуть, не то мой помощник без меня пустит корабль на дно.

Как только шкипер удалился, Тафур вновь принялся разглядывать галеры. Их серые паруса приближались по мере того, как берег убежал к югу. Люди на палубе ближайшей галеры поначалу казались песчинками и букашками, а потом уже просто крошечными фигурками, копошащимися вокруг мачт. Маленький дозорный поднялся на полубак и, заслонившись ладонью от солнца, принялся разглядывать их корабль. Тафур инстинктивно попятился, но тут же, спохватившись, вновь облокотился на перила. Если он не может разглядеть лица смотрящего с галеры в его сторону, то и тому это не под силу.

Его мысли вернулись к человеку в маске, увиденному на пристани. Уж не он ли сейчас пытается разглядеть Тафура с галеры? Разумеется, это не мог быть Фадрике Альварес, сражавшийся в Берберии, разве что он вернулся в Санлукар просить руки Кармен. Однако, вне всякого сомнения, незнакомец с пристани и человек, промелькнувший под окнами его гостиницы, – одно и то же лицо. Это шпион. Но чей? Соперников Медичи? Уж не они ли наслали на него и грабителей? Так кто же они такие? Всего лишь несколько мгновений назад он испытывал безоглядную гордость за своего отца. Но стоило появиться этому призрачному корсару, как он вновь погрузился в раздумья, задавая себе бесконечные вопросы.

Нет. Ни один шпион, если он в здравом уме, не поплывет на корабле, откуда невозможно сбежать. И не станет разгуливать в маске с птичьим клювом, которая не только не скрывает его, но, напротив, привлекает к нему всеобщее внимание даже во время карнавала. С другой стороны, добрая половина команды, включая шкипера, носит черные плащи.

Две тени присоединились к дозорному на носу галеры, указывая ему на большую темную тучу на горизонте. А впереди каравелла все так же рассекала гладь моря, изменившего свой цвет с голубого на темно-синий – возможно, там начинались большие глубины. Тафур расставил пошире ноги, вцепился в перила и перегнулся через борт. Его глаза сразу словно окунулись в сине-голубые, а местами зеленоватые воды, но вот налетела новая волна, с шумом ударила в борт корабля и закутилась вихрем, прежде чем рассыпаться на мириады брызг.

* * *

Любезная Кармен!

Ты вправе сетовать на то, что накануне я написал тебе столь короткое письмо. У меня нет иного оправдания, нежели усталость, преследующая меня, как оказалось, не только на суше, но и на борту корабля. Именно поэтому я так нуждаюсь в отдыхе и в то же время никак не могу уснуть. Говорят, такое случается с солдатами, попадающими на поле битвы: они не могут лечь спать, потому что все время думают о предстоящем сражении. Я уже лег, и кровать у меня превосходная, ибо принадлежит самому командующему флотилией, и никакое сражение мне не предстоит. Но, несмотря на все это, сна у меня ни в одном глазу.

Я начал рассказывать тебе о Венеции, откуда мы отплыли позавчера, в пятницу. Можно сказать, что я видел ее и не видел, поскольку целый день занимался погрузкой и разгрузкой моих вещей. Рассказывают, что весь город стоит на воде и всякое сообщение по воде же и осуществляется. Разумеется, он стоит не прямо на воде, а на множестве маленьких островков, столь близко расположенных друг к другу, что они выглядят единым целым, хотя их разделяют рукава и протоки, служащие улицами и переулками. Венецианцы именуют их каналами и ездят по ним в особых лодках, называемых гондолами, которыми управляют с помощью шеста. На одной из таких гондол мой багаж был доставлен на пристань, причем я сопровождал его лично, но не из любви к подобному рода прогулкам, как ты можешь подумать, а для того, чтобы не выпускать его из виду. Охранявшие меня люди дона Лоренцо хотели избавить меня от этих хлопот, но я им не слишком доверял, ибо по пути сюда обнаружил у

них некие привычки, о коих предпочитаю не распространяться. Хороши же вассалы у столь прекрасного сеньора! В Испании на сей счет выражаются несколько иначе.

Венеция – великий город мира. Ни один из городов не покидал я с такой грустью, за исключением Флоренции и, разумеется, Санлукара. Здесь на многочисленных островах живет семьдесят тысяч душ, а на пристанях и каналах ни один язык не останется непонятым, ибо сюда приплывают корабли из всех краев. Таким был в свое время Константинополь и даже превосходил Венецию по своему населению, числу дворцов, бурлящей жизни и славе, хотя трудно представить себе, что такое возможно. Семьдесят церквей насчитывается в этом городе, из коих я был вынужден удовлетвориться одной, но зато самой величественной из всех. Это базилика Святого Марка, расположенная на главной площади, рядом с морем. Пять ее куполов напоминают пять солнц, ибо покрыты золотом, и издали кажется, что они восстают из воды. Апсиды украшены мозаикой с изображениями святых, выполненной также в золотых и голубых тонах. Говорят, что под алтарем хранятся мощи апостола Марка, перевезенные венецианцами из Александрии. Над главным входом высятся четыре огромных бронзовых коня, которых удалось вывезти из Константинополя и таким образом спасти, ибо если бы не это, то сегодня бы их не существовало.

Если бы я умел передать тебе все те чувства, что охватили меня при виде этого собора! Отсюда, от этой славной площади на берегу моря, говорил я себе, некогда отплыл мой отец в свое злополучное путешествие. Как раз вчера, на борту нашего корабля, один рыцарь с большим почтением расспрашивал меня об отце, и я невольно задумался над тем, о чем ты не вешишь мне думать. Я знаю, что вряд ли доберусь живым до Константинополя; но даже если мне повезет и даже если турки действительно предали тело отца земле, то едва ли я отыщу его могилу, ведь с тех пор минуло двадцать лет. Однако тяжело жить на свете, не ведая, где покоится человек, завещавший тебе честь, имя и ипагу. От матери, по крайней мере, осталась могила, она неподалеку от мавританского квартала...

Тафур оторвался от письма и вздохнул. Над его головой застучали башмаки юнг, разносивших похлебку матросам. Маркус настоял на том, чтобы ужин Тафуру доставили в каюту, ибо начался дождь. Нетронутая миска до сих пор стояла рядом с ночным столиком.

Он вновь открыл глаза. Оказывается, он опустил перо на бумагу, и теперь на ней расплылось большое чернильное пятно. Придется переписывать эту страницу.

... не бойся за меня, я всегда тебе это говорю. Меня надежно охраняют рыцари святого Иоанна. Хотя мы находимся в турецких водах, сомневаюсь, что они осмелятся показаться на глаза, а уж пираты тем более, ведь у нас в общей сложности двадцать кораблей, среди них четыре карраки и три галеры, вооруженные пушками. К тому же у меня нет сейчас никакой охоты сражаться с султаном Мехмедом, и ты можешь в том убедиться, взглянув на мои каракули. Отчасти такой почерк объясняется волнением на море, которое все не прекращается, хотя уже и не вызывает у меня такой тревоги, как поначалу. Молись за меня Пресвятой Деве Трианской, покровительнице моряков.

За эти двое суток мы проделали около трехсот пятидесяти миль, продвигаясь к югу по Венецианскому заливу. Дня через два или три доберемся до Корфу, который считается воротами во владения Венеции. Мы шли вдоль побережья древней Далмации, ее еще называют Склавонией, потому что то был край рабов¹⁷, - и сегодня это название тоже уместно, ибо почти весь край находится под властью турка. Это гористое и дикое побережье, населенное столь же диким по своим обычаям народом. Они светловолосы и высокорослы, как мне уда-

---

¹⁷ Тафур ошибочно выводит этимологию названия Склавония (Славония) из созвучного ему испанского слова «esclavo» – «раб, невольник».

лось заметить во время нашей стоянки в городке Паренцо. Мне попадались одни мужчины, женщин я не встретил ни одной, потому что было поздно и к тому же мы являли собой весьма грозное зрелище благодаря нашей многочисленности и тому, что мы были вооружены. Море в этих местах очень красивого цвета. Небо высокое и чистое, правда вчера под вечер появились отдельные облака.

Из-за этих облаков мы укрылись на ночь в небольшой бухте, поскольку ожидали дождя (и он действительно пролился), и командор не захотел искушать судьбу. С величайшими трудностями удалось завести туда все корабли, ибо бухта эта оказалась весьма узкой и усеянной рифами, а кроме того, галеры, стремясь одновременно достичь безопасных мест, загородили вход в нее. Мы чудом протиснулись мимо одной из них, едва ее не протаранив. Можешь себе вообразить мое состояние в тот момент. Как знать, может, и мой отец когда-то укрывался в этой бухте. Одному Богу это известно...

Он осторожно поднял перо, стараясь снова не закапать бумагу. Сквозь стенку каюты было слышно, как от корабля отчалила шлюпка. А перед этим палубные доски скрипели под сапогами госпитальеров, отправлявшихся в караул на берег. В хоре голосов выделялся зычный голос Маркуса. Все пространство коридора, от порога, устланного овечьими шкурами, до следующей каюты, где спали остальные рыцари, было погружено во мрак.

Он долго смотрел на свечу, покуда кончик пламени не заплясал у него перед глазами. И тут же словно что-то запульсировало в ране, но не боль, а скорее слабое жжение. Он поднес руку к груди, искоса взглянул на дверь и распустил шнурок на бархатном мешочке. Засунув туда большой и указательный палец, он извлек крохотную щепотку порошка и, поднеся ее к пламени, раздвинул пальцы. Голубой пигмент ярко вспыхнул и тут же растворился в темноте.

* * *

Когда он проснулся, дождь уже перестал, хотя с потолка еще капало. Просачиваясь сквозь щели в досках, дождевые капли накапливались в неровностях потолка, а потом вдруг срывались вниз, барабаня по крышке сундучка. Тафур приподнялся на локте и утер лицо ладонью. Еще одна огромная капля размером с маслину угодила ему точно в лоб, и он окончательно пришел в себя. И тут же стал ощупывать свой камзол, пока не удостоверился, что письмо герцога на месте. Койка брата Маркуса по-прежнему пустовала. С противоположного конца коридора доносился богатырский храп кого-то из рыцарей.

И вот снова те же звуки. Легкие, крадущиеся шаги босых ног над каютой. Кто-то из юнг, спавших на палубе, отправился по нужде в галюн. Но почему он снял башмаки? Шаги замерли у ведущей вниз лестницы. Если обнаружится, что юнга спустился к каютам, его ждет хорошая порка. Но, возможно, он просто ищет места, чтобы укрыться от непогоды – под лестницей, в коридоре или еще ниже – в трюме. Тафур взгляделся в слабый просвет между шкурами, зашепывающими вход. И услышал, как вдали скрипнула ступенька.

Он сел на постели и, отыскав на ощупь сапоги, обулся. Новый скрип заставил его вздрогнуть. Чья-то тень мелькнула в просвете между шкурами и пропала, видимо, вернувшись к лестнице.

Тафур вскочил и быстро раздвинул шкуры кончиком шпаги. Он внимательно осмотрел лестницу снизу доверху и стал подниматься по ней, громко стуча каблуками, как будто ничего не слышал, но, достигнув верхней ступеньки, напрягся и одним прыжком выскочил на палубу, размахивая вокруг себя шпагой, чтобы избежать предательского удара. Но на палубе не было ни души. Здесь хозяйничал ветер. Тафур поспешил к штурвалу, надеясь увидеть там Маркуса, но обнаружил только его помощника, скорчившегося на табурете: подбородок уткнулся в грудь, руки бессильно повисли по бокам. Чуть поодаль, на шканцах, посапывали двое мат-

росов. Напрасно пытался он привлечь их внимание знаками. Тогда он шагнул вперед и тут же споткнулся о какой-то куль, пробормотавший в ответ неразборчивое ругательство. Все они спали без задних ног.

Он уже начал сомневаться, что слышал шаги, как вдруг порыв ветра чуть сдвинул в сторону паруса, и при свете луны на баке обозначилась четкая тень. Снова налетел ветер, опять изменивший расположение парусов, и Тафур ничего больше не мог разглядеть, кроме фок-мачты, вонзившейся в лунный серп. Он поднял шпагу, и его пальцы судорожно сжали рукоятку. Остановившись около полубака, он смерил взглядом оба веревочных трапа, свешивающихся по бортам. Восемь или девять локтей высоты, если, конечно, дьявол не сбросит его прямо в море. И пока он будет карабкаться по правой лестнице, злодеи могут спуститься по левой. Их было двое там, наверху, теперь он ясно видел не одну, а две притаившиеся тени.

Он вставил сапог в веревочную перекладину, стараясь не глядеть на бушующие внизу волны. К середине пути он покрылся холодным потом, ноги онемели, нестерпимо ныла рана. Неужели ему непременно нужно быть героем, в чем его не раз упрекала Кармен? Ведь стоило ему забить тревогу, как весь корабль поднялся бы на подмогу. Нет-нет, пусть даже их двое, а он один. Зато никто не скажет, что кто-то из Тафуров обнажил свой клинок без веской причины.

Одолев очередную ступеньку, он вытащил шпагу, чтобы при необходимости сразу атаковать. Но когда до верха оставалось совсем немного, его рука вдруг соскочила со скользкой ступеньки, веревочная лестница обкрутилась вокруг него, и он повис на одной левой руке над морской бездной. Сжав зубы, он пытался ногами нащупать ступеньку. И увидел, как, лавируя между телами спящих матросов, две тени бегут туда, где они уже побывали: к лестнице, ведущей внутрь корабля. Эти мерзавцы спустились по второй лестнице. Они провели его, как ребенка.

Он спустился на палубу и, тяжело дыша, на несколько мгновений присел на корточки. Потом стремительным рывком достиг лестницы, сбегал по ней вниз и резким движением раздвинул овечьи шкуры. Одежда, подушка, сумка на своем месте, на полу возле изголовья валяется лист бумаги. Он поднял его и положил на столик, потом проверил сумку: золото Медичи было на месте. В другом конце коридора по-прежнему раздавался храп рыцаря-госпитальера. Тафур услышал шорох за спиной и вернулся в темный коридор, пройдя его до конца. На этот раз они попались. Они прятались внизу, в оружейном отделении.

Он задержался на последней ступеньке, вглядываясь в полумрак, окутывавший отсек. Порты были задраены, однако сквозь щели внутрь проникал лунный свет, и его блики играли на неподвижных бронзовых жерлах. Тафур двинулся вперед, тыча шпагой вправо и влево: они наверняка надеются напасть на него с тыла или же одновременно с двух сторон. Мерзавцы, воры, пройдохи... Во имя Господа и Пресвятой Девы. Но что это там блеснуло в темноте? Чей-то сапог опустился на пол, и тут же кто-то кашлянул. Вновь блеснул металл в свете луны. Те, кого он преследовал, не носили сапог. И не кинжал предателя мелькнул перед его глазами. Нет, здесь снова находился призрак дона Фадрике.

Тафур опять шагнул вперед, делая веерообразные движения шпагой. Звуков чужих сапог больше не было слышно. И клинок его врага растворился во тьме. Он остановился в конце оружейной галереи и почувствовал, как по его спине пробежал холодок. У самых его ног зиял открытый люк, ведущий в трюм, словно разверстая могила.

Он начал спускаться, так широко раскрыв глаза, что у него заболели веки. Достигнув последней ступеньки, он поднял шпагу и ощутил, как что-то задело костяшки его пальцев, словно его руки коснулась летучая мышь. Но кто развесил овечьи шкуры в самом грязном помещении корабля? Он отодвинул их в сторону и невольно зажмурился от света пламени, горевшего между бочками. И словно превратился в соляной столб.

В глубине трюма дюжина рыцарей столпилась вокруг какого-то ящика. Все они были в плащах с надвинутыми на лица капюшонами и держали в руках обнаженные шпаги. На ящике

было установлено распятие, а перед ним горела большая свеча. В ее дрожащем пламени тени на стенах казались гигантскими. Один из рыцарей преклонил колени, поцеловал свой клинок и положил его перед распятием. После чего начал хлестать себя веревочным бичом, бормоча при этом слова молитвы. Тафур встал на цыпочки, но все равно не мог разглядеть его лица, равно как и лиц остальных рыцарей. Зато рядом с распятием приметил белую маску с птичьим клювом. Но это не могла быть маска. И на череп это тоже не походило. Кровь застучала у него в висках, и пламя свечи вдруг раздвоилось на его глазах. Кающийся брат встал на ноги, и госпитальеры, все как один, присоединились к молитве.

На этот раз что-то коснулось его ноги. Ноздрей достиг запах застарелого пота. Он заметил мелькнувшую рядом тень и мгновенно сделал выпад, но клинок застрял в шкурах, и удар получился несильным. Незнакомец бросился по лестнице наверх, воспользовавшись суматохой среди госпитальеров. Тафур с криком кинулся следом и настиг его возле люка. Он сделал еще один выпад, а затем начал наносить удары вслепую, в конце концов загнав своего противника в проем закрытого порта. Тот прижался к самому борту и съежился, закрыв голову руками.

Чьи-то еще сапоги застучали сзади Тафура. Удар был настолько силен, что дверца оружейного порта разлетелась в щепки, и под его ногами открылось пенистое море. Он обернулся и в отчаянии ухватился за своего противника, который подталкивал его к пропасти, приставив клинок к горлу.

Шкипер Маркус уже был готов нанести смертельный удар, но вовремя остановился.

– Что вы здесь делаете, ваша милость?

Тафур указал на палубу, все еще болтаясь в воздухе над бездной. Маркус одним рывком втащил его на борт и повернулся к лазутчику, которого задержали двое рыцарей. Остальные госпитальеры преследовали его сообщника, бежавшего по направлению к каютам. А куда подевался третий? Тафур окинул взглядом вереницу черных плащей. И из последних сил потянул за рукав Маркуса, но шкипер уже занялся пленником.

– Кто тебя послал? – орал он по-итальянски, подкрепляя свои слова пинками. – Отвечай, проклятый генуэзец, как зовут твоего хозяина?

Кто-то карабкался из трюма по трапу со светильником в руке. При свете луны Тафур узнал костистое лицо командующего флотилией дона Пьера д'Обюссона. За ним следовали двое госпитальеров в капюшонах, несшие сундучок и полотняный мешок, из которого высовывались длинные свечи и распятие.

– Что здесь происходит?

Шкипер перестал наносить удары, и его лицо напряглось от усилий сдержать гнев.

– Обнаружили двоих генуэзских лазутчиков на борту. Наш гость застал их *in fal grante delictu*¹⁸.

Тафур поспешил подтвердить:

– Они проникли в каюту, ваша милость... Но с ними был еще третий...

А если это был сам Маркус? Или любой другой госпитальер, на некоторое время покинувший трюм? Д'Обюссон с ледяной улыбкой прервал его:

– Сожалею о случившемся. Вы наверняка переволновались. – И снова обернулся к шкиперу: – Что они видели?

Маркус запнулся. Потом посмотрел на Тафура, на пленника и снова перевел взгляд на д'Обюссона. Генуэзец с окровавленным лицом чуть приподнял голову и тоже оглядел всех по очереди. Надежда умерла в его глазах при виде физиономии француза.

– Отвезите их на берег. И повесьте обоих на рассвете. Мы немного отсрочим отплытие, дабы это послужило всем уроком.

¹⁸ На месте преступления (*лат.*).

Д'Обюссон удалился, сопровождаемый своим эскортом, за ним последовали шкипер и двое рыцарей, которые волокли осужденного гемуэца. Тафур, пошатываясь, добрался по коридору до каюты. Но уже на лесенке, ведущей вниз, его начала бить дрожь. Он прислонился к переборке, поискал глазами усыпанное звездами небо и вновь ощутил биение крови в висках. В распахнувшейся вокруг темноте ему привиделось окровавленное лицо гемуэца, молящего о пощаде.

* * *

Звезды на лампе кабинета померкли. Каноник Фичино дождался, пока язычок пламени свечи совсем угас, и позвонил в колокольчик. Тафур выпрямился на стуле, заслышав за дверью шаги. Некоторое время они сидели молча. Становилось холодно.

Внезапно в комнате стало светло от внесенного канделябра. Но на пороге стоял не паж, а казначей Веспуччи, и рядом с ним невысокий черноглазый юноша со смуглым лицом, отличавшимся надменными и одновременно резкими чертами. Он был в шапочке и коротком плаще – так ходили студенты во время карнавала. Фичино встал со своего места, чтобы представить вошедшего, но тот опередил его:

– Лоренцо Пьерофранческо де Медичи, к вашим услугам.

– Педро Тафур, к услугам вашей милости.

Тафур учтиво поклонился. Не таким он представлял себе знаменитого Лоренцо Великолепного. Он украдкой взглянул на юношу с ощущением, что где-то его уже видел. Каноник поспешил разъяснить возникшее недоразумение:

– Лоренцо Пьерофранческо – кузен Великолепного и его брата Джулиано. Узнав, что вы здесь, он пожелал познакомиться с вами.

Тафур снова поклонился, чувствуя себя неловко из-за того, что попал впросак. Кузен братьев Медичи, однако, не выглядел обиженным.

– Вы не первый, кто испытал подобное разочарование. – Он обернулся к Фичино и продолжил насмешливым тоном: – А вы забыли сказать, что я младший кузен Лоренцо и самый бедный среди внуков покойного Козимо. И что я предпочитаю Данте Вергилию. Наш радушный хозяин Фичино – мой наставник, синьор Тафур. И он время от времени старается унизить меня, дабы излечить от фамильной спеси.

Смех у него тоже был грубым, даже вульгарным. Однако взгляд был открытым и доверчивым. Он вел себя совершенно естественно, ибо был воспитан в условиях, позволявших не скрывать свои слабости. Пьерофранческо остановился перед свитком, развернутым на столе:

– Вижу, что мой учитель приобщил вас к своим древностям. Немногие удостоиваются такой чести, но должен вас предупредить, что теперь он не остановится, пока не сделает из вас праведника... Садитесь, садитесь. Вы не хотите предложить нашему гостю бокал вина, дорогой наставник? Не знаю, что он подумает о моих кузенах, если вы будете вот так держать его всю ночь, не давая даже утолить жажду. Да еще в таком холоде.

Веспуччи поспешил к дверям и, выйдя на галерею, прокричал что-то пажу, находившемуся во дворе. Тот явился с новым кувшином вина, сдобренного пряностями. Следом за ним двое слуг внесли жаровню, наполненную пылающими углями. Тафур одним глотком осушил свой бокал, и приятная теплота разлилась по всем его членам. Он уже согласился взяться за поручение Медичи при условии, что герцог ничего не будет иметь против. А раз так, то опасаться вина, предложенного каноником, не стоило.

– Итак? – Пьерофранческо тоже осушил свой бокал. – Вам уже рассказали о краске, служащей предметом моих терзаний?

Фичино бросил на Тафура косой взгляд, и тот понял его правильно. Он не должен ни единым словом обмолвиться о трактате Гермеса.

– Узнав о том, в какие края вы собираетесь отплыть, Пьерофранческо хочет дать вам небольшое поручение, – объяснил Фичино. – Он заказал картину Алессандро ди Филиппи, одному из самых выдающихся наших живописцев, но, к несчастью, для изготовления краски мастер нуждается в некоем пигменте, который нам не удалось найти в Италии. Америго полагает, что вы сможете без особых трудностей раздобыть его на Востоке.

Веспуччи покинул угол, где стоял рядом с канделябром:

– Во времена Империи мы могли бы обратиться с такой просьбой к одному из наших агентов в Византии, но теперь связь с ними почти полностью утеряна. Как вам должно быть известно, турки закрыли въезд в страну купцам-католикам...

С этими словами он приблизился к письменному столу, сжимая в правой руке мешочек из черного бархата.

– Не подумайте, что это мой каприз. – Пьерофранческо жестом остановил Веспуччи, намеревавшегося распустить завязки мешочка. – Флорентийские мастера изготавливают по меньшей мере три дюжины разных оттенков синего: кобальт, ультрамарин, индиго, лазурь... Но мой наставник упорно твердит мне, что только этот освятит мое счастье. Иногда я склоняюсь к мысли, что он просто желает продлить мои мучения.

Тафур обернулся к Фичино, ожидая новых разъяснений.

– Пьерофранческо решил жениться, и картина, о которой мы ведем речь, предназначена для его брачной опочивальни, – сказал каноник. – Он боится, что картина не будет закончена к сроку, но отказывается отложить свадьбу, как все мы ему советуем. Нетерпение гложет его.

Тафур разглядывал лежавший на столе мешочек, который был по-прежнему завязан. В душе у него снова возникло неясное предчувствие, и он искоса взглянул на Пьерофранческо. Не этот ли юноша играл на лире в окружении трех девушек? Но он же не мог увидеть его лица, поскольку музыканта скрывала ширма... Так где же он его видел? И вдруг перед его мысленным взором предстало другое видение. Ну конечно, он видел это лицо не в комнате, а во внутреннем дворике, это была статуя Эфеба, украшавшая фонтан Медичи, как две капли воды похожая на него. Фичино между тем продолжал рассказывать о загадочном пигменте:

– Это уникальный минерал, хотя, как и многие другие сокровища, гораздо больше он известен на Востоке, нежели у нас. На полотне с его помощью можно воссоздать особый тон, и именно этого эффекта хочет добиться маэстро Сандро для отдельных деталей своего произведения. Америго, может быть, ты позволишь нам полюбоваться им?

Веспуччи развязал тесемки и расправил бархатные складки на мешочке. Порошок поблескивал в пламени свечей, словно в его состав входили золотые крупинки. Все четверо погрузились в созерцание голубых, зеленоватых и серых вкраплений. Веспуччи первым отошел от этого волшебного зрелища:

– Древние называли его цирконом. На Востоке он известен как камень путешественника, потому что для того, чтобы купить его, караванам приходилось совершать многодневные переходы. Согласно легендам, тот, у кого есть циркон, всюду будет желанным гостем.

Поиски этого камня, однако, требовали немалого упорства и настойчивости, ибо в некоторых местах Востока цирконом называли гиацинт – речной камень беловатого цвета, прозрачный или, напротив, красный с желтыми вкраплениями, происходивший из далекой Индии. Настоящий же циркон скрывался в недрах Востока, его таили в себе горы Персии и Анатолии.

Пьерофранческо взглянул на Тафура и состроил озабоченное лицо.

– Я начинаю подозревать, что вы тоже знаете толк в красках... И, наверное, тоже полагаете, что я должен отложить женитьбу из-за этой удивительной синевы? Мне кажется, что скоро она начнет мне сниться, настолько сильно мне хочется заполучить эту краску.

Тафур опустил глаза, боясь, что они выдадут его мысли. Он узнал бы этот странный порошок в самом отдаленном уголке земли.

– Нет, нет и нет! – Пьерофранческо не дал ему раскрыть рта. – Я не могу перенести нашу свадьбу. Это сильно огорчило бы Семирамиду и обидело бы всех Аппиани, равно как и прочие гемуэские семейства. Моя женитьба, дон Педро, дело государственной важности, хотя мой наставник и пытается доказать мне обратное.

Семирамида? Значит, невеста Пьерофранческо не та прекрасная девушка, которая обронила платок? Ее зовут Симонетта, а не Семирамида. У Тафура отлегло от сердца, и по телу разлилась блаженная теплота, как будто он снова выпил вина. Пьерофранческо с озорной улыбкой обратился к Фичино:

– Я говорил вам, что уже начал собственноручно писать приглашения?

– Надеюсь, вы не станете рассылать их без ведома Лоренцо? – строго осведомился каноник.

– Разумеется, я не осмелился бы действовать вопреки его интересам, равно как и вопреки интересам нашей прекрасной Флоренции, но тем не менее я должен учитывать и свои собственные желания, как вы сами меня учили. Не знаю, согласился бы мой блистательный кузен так долго ждать, если бы речь шла о его женитьбе... Я могу рассчитывать на вас, дон Педро? Вы раздобудете для меня этот пигмент?

– Возможность оказать вам такую услугу для меня большая честь, дон Пьерофранческо. – Тафур заколебался. – Но мне бы не хотелось обмануть ваши ожидания. Я не знаю, когда вернусь с Востока, и, возможно, не успею к нужному сроку, чтобы маэстро Боттипепи успел закончить свою картину.

– Боттичелли, – поправил Веспуччи четким голосом.

– Боттичелли, Боттипепи – какая разница? Его настоящее имя – Алессандро Филиппеппи, а прозвище Боттичелли он получил за свою знаменитую фигуру, напоминающую бочонок. – Пьерофранческо издал короткий смешок. – Что же касается вашего возвращения, то вы конечно же вернетесь вовремя. Вами движет благородная цель, а потому вам в ваших странствиях будет благоприятствовать Зефир и все прочие ветры, какие вам только будут надобны. Когда вы вернетесь, то сразу же приедете в Каstellло и поживете там у меня до самой свадьбы, на которой станете почетным гостем. Вы женаты, дон Педро?

– Мне кажется, мы злоупотребляем любезностью нашего гостя. – Фичино откашлялся. – Скоро полночь, а завтра ему предстоит знакомство с нашей дорогой Флоренцией.

– Вам тоже не мешало бы отдохнуть, если вы хотите быть свежим и бодрым на маскараде, – сказал Веспуччи, обращаясь к Пьерофранческо, и завязал тесемки бархатного мешочка. – Я отвезу вас в старый дом на Перетольской дороге.

Юный Медичи приподнял брови, смахнул невидимую пылинку со своего плаща и принялся рассказывать Тафуру о подготовке к свадьбе. Не ограничившись картиной Боттичелли, он распорядился выстроить грот из камня в садах Каstellло, чтобы его невеста вспоминала лигурийские кручи. На свадьбе будут музыканты из Прованса и кондитеры из Неаполя; кроме того, из Альп будет доставлен настоящий бурый медведь, чтобы гемуэским патрициям было на кого поохотиться. Приедут Аппиани, Каттанео, Ломеллини, разумеется, Дория и их родственники Колонна из дома Сальваго, колыбели лучших мореплавателей Средиземноморья. Тафур только успевал кивать при каждом славном имени. И улыбнулся в душе, вновь услышав имя суженой Пьерофранческо. Семирамида, а не Симонетта.

Под конец Пьерофранческо взял в руки бархатный мешочек и вручил его Тафуру. Веспуччи, воспользовавшись моментом, начал прощаться. Дойдя до дверей, юный Медичи обернулся:

– Помните, дон Педро! Мое счастье в ваших руках!

Дверь захлопнулась, а Тафур все продолжал стоять. Фичино расстелил на столе карту, на которой суша была выкрашена в розоватый цвет, а реки и моря – в серебристый, и стал показывать Тафуру его сухопутный маршрут. Пигмент циркона он найдет в самом Мармарисе,

а если не повезет, то в Анталье, это еще два дня пути в направлении Трапезунда. Возможно, ему придется дойти и до Коньи, но это не важно: Конья все равно лежит на пути к монастырю, где находится трактат. Ни при каких обстоятельствах он не должен отклоняться от цели.

Когда они наконец поднялись из-за стола, издали донесся звон колоколов собора. Фичино позвонил в колокольчик и приказал пажу проводить гостя до постоянного двора. Тафур последовал за заспанным мальчуганом по галерее, потом спустился вниз по лестнице, но на последней ступеньке задержался, давая своему провожатому уйти вперед. В центре внутреннего двора, рядом с фонтаном, виднелась фигура, с ног до головы закутанная в плащ. Заслышав его шаги, она обернулась, и порыв ветра всколыхнул аквамариновую вуаль.

* * *

– Ты уже должен идти?

Девушка играла с веткой жасмина, срывая с нее нераспустившиеся бутоны. Они стояли рядом с Жасминовой стеной, во дворце Санлукара.

Ему тоже не хотелось расставаться так быстро. Всего лишь несколько мгновений побыли они наедине. Но корабль ждал его в порту, и попутный ветер надувал паруса.

Они подошли к фонтану. Он посмотрел ей в глаза, но она отвела взор, ее пальцы разжались, и в воду посыпались белые лепестки. Нужно было бы вернуть ей платок, как тогда во дворце... Но как это сделать, если платка у него уже нет? Сердце учащенно забилося, он искоса взглянул на свою спутницу, на ее руки, на падающие в воду лепестки. И увидел на водной глади отражение хорошо знакомой фигуры: высеченные из камня пряди волос, обнаженные груди, длинный рыбий хвост. Вот только вместо лица сирены на него глядело из волн совершенно другое, окровавленное лицо. А девушка, которая стояла рядом с ним у фонтана, уже была не Кармен и не прекрасная флорентийка. Он не должен был позволить, чтобы Кармен увидела это отражение...

Тафур замахал руками, стараясь отогнать видение. Он набрал воздуха, чтобы закричать. И проснулся.

Он увидел прямо перед собой лицо с тонкими чертами, обрамленное редкой рыжей бородой. И сквозь сон узнал брата Берната Сальвадора, арагонского врача, которого Маркус привел к нему накануне.

– Вы слышите меня?

Тафур ошеломленно кивнул и поднес руку к глазам. Его пальцы коснулись мокрой тряпки, почти совсем неотжатой, так что капли воды стекали у него по вискам. Он с отвращением схватил ее и бросил на пол.

– Не будьте благодарны, ваша милость. – Брат Бернат поднял тряпку, выжал ее над ночным горшком и опустил в воду. – Если бы не эти примочки из майорана, вы бы до сих пор валялись в жару и не переставая дрались на дуэли за честь итальянских дам.

Тафур почувствовал, что щеки у него пылают. Неужели он разговаривал во сне? Вряд ли он мог сболтнуть что-нибудь подобное наяву. Он поднес руку к груди, и у него внутри все оборвалось от горестной мысли, но тут же он вспомнил, что спрятал мешочек с цирконом в плаще. Слава богу, аккуратно свернутый плащ лежал тут же, под подушкой. От медика не укрылось выражение его лица, и он сразу перестал улыбаться.

– Ваша рана причиняет вам боль?

Тафур попытался восстановить в памяти события предыдущего дня, с того момента, когда он услышал шаги, и до того, как он потерял сознание. Но он решительно не помнил, чтобы в этот промежуток кто-нибудь его ранил.

– Пусть ваша милость не обижается, но мы здесь не для того, чтобы нас стыдиться. – Врач указал ему на грудь. – Вы дурно поступили уже потому, что, поднявшись на борт корабля, никому не сказали о своей ране.

Тафур снова ощупал грудь и недоуменно посмотрел на лекаря. Поверх шрама, приобретенного в Ферраре, был наложен еще один компресс, закрепленный с помощью повязки, которая была обмотана вокруг спины. Как же он этого сразу не заметил?

– Я не прошу, чтобы вы рассказали мне, при каких обстоятельствах и кем были ранены, – настаивал ара-гонец. – Скажите только, болит ли ваша рана.

– Да ведь это сущий пустяк, царапина...

– Боюсь, что из-за этой «царапины» у вас началось заражение. По-видимому, вы не приняли никаких мер и только расковыряли рану. Мне пришлось чуть ли не связывать вам руки, пока вы находились в бреду.

Тафур опустил голову на подушку. Он бредил? Одному Господу известно, что он мог наговорить арагонцу. Да и когда он преследовал генуэзских лазутчиков, то наверняка уже был не в себе. Как, скажите на милость, мог оказаться дон Фадрике возле корабельных портов, в оружейном отсеке? А госпитальеры, молящиеся перед черепом? Да, они вместе читали молитву, но и только, а все остальное – химера и выдумки. Можно ли, право, дойти до того, чтобы вообразить себе, что загадочным гостем командующего был не кто иной, как Фадрике! Над его головой сквозь щели в досках в каюту просачивались лучи утреннего солнца. Обоих злоумышленников, должно быть, уже повесили на берегу.

– Брат Бернат, генуэзцы, пробравшиеся на корабль...

– Вороны Склавонии давно уже выклевали им глаза, если об этом спрашивает ваша милость. – Врач вздохнул. – К несчастью, их казнь послужит уроком разве что тем же воронам, которые, вернувшись завтра, не найдут новой поживы.

Тафур недоуменно взглянул на него. Лекарь пожал плечами:

– С позволения вашей милости, вы поступили весьма безрассудно, бросившись за ними в одиночку, да вдобавок будучи раненым. Впрочем, я не думаю, что они пробрались на корабль, чтобы кого-нибудь убить... Если бы они захотели, то преспокойно отправили бы вас на небеса.

В кромешной тьме его фехтовальное искусство оказалось бы бессильным против двух кинжалов. Не говоря уже о шпаге третьего злоумышленника. Но никакого третьего не было. Это все выдумки, химеры.

– Что же они тогда искали?

– Вашей милости лучше знать, ведь они проникли именно в вашу каюту. Наверное, они думали, что вы везете с собой много денег, поскольку отправляетесь в весьма длительное путешествие, или же драгоценности, в общем, какие-то сокровища... И конечно, не ожидали, что вы не спите, а уж встреча с командором д'Обюссоном стала для них полной неожиданностью. Если бы не такое невезение, они бы сумели спасти свою шкуру, хотя, конечно, от Маркуса бы им перепало немало оплеух.

Злоумышленники, добавил арагонец, не были обычными воришками или гребцами-каторжниками. Они нанялись на галеру в Венеции, предъявив рекомендательное письмо от кардинала. По-видимому, поддельное, состряпанное каким-нибудь учеником писца или секретарем кардинала.

– Но хочу повторить вам, дон Педро. – Бернат вновь указал Тафуру на его рану: – Дуэли на шпагах пока не для вас. И даю вам честное слово, что прослежу за тем, чтобы в ближайшие три дня вы не ввязались снова в какую-нибудь историю. Все это время вы проведете в каюте. Я не хочу, чтобы спасшее вас Провидение потом предъявило мне счет.

Тафур озадаченно молчал. Услышанное не укладывалось у него в голове. Злодеи генуэзцы, много денег, драгоценности, в общем, какие-то сокровища. И они не были обычными воришками, а явились с рекомендательным письмом от кардинала. Соперники Медичи? И

среди них один из папских кардиналов? Кстати, не слишком ли подробно осведомлен об этом деле лекарь-араговец, прошедший неотлучно всю ночь у его постели? Он всмотрелся в веселые глаза врача, в его приветливое и открытое лицо, потом перевел взгляд на его безукоризненно чистые одежды, украшенные красным крестом. Рыцарь ордена святого Иоанна не осмелится прибегнуть ко лжи и обману.

– Как мои дела?

– Гораздо лучше, благодаря примочкам и сатурновой мази, которую я приготовил, дабы вытянуть гной. Можете убедиться в этом собственными глазами.

Лекарь помог ему сесть и размотал повязку, придерживая рукой примочку. Затем взял тряпицу и отжал ее над горшком. Шрам, полученный в Ферраре, стал почти незаметен: исчезли припухлость по краям и черная корка с присохшими к ней волосками. Кожа вокруг раны приобрела зеленоватый оттенок, напоминая по цвету недозрелую луковицу.

Брат Бернат вновь обернулся к Тафуру. В руках он держал склянку с янтарной жидкостью.

– Рана перестала гноиться, но я накапаю еще немного камфары, чтобы она не так чесалась. Если ваша милость не возражает, я не буду снимать повязку, а то мне с вашими руками не справиться. Три дня отдыха, бульон, хлеб, а после можете снова отправляться мстить за оскорбления и восстанавливать справедливость.

Тафур дал себя перевязать и с невеселыми мыслями улегся на койку. Он поступил безрассудно. Чистым безумием было преследовать геноуэцев, и даже не потому, что он рисковал своей жизнью, а потому, что от его благополучия зависело слишком многое. А если бы его сбросили за борт вместе с цирконом и письмом герцога? Никто бы не узнал о его судьбе ни во Флоренции, ни в Санлукаре. Хотя, по правде говоря, во Флоренции и некому ждать от него вестей, кроме каноника. Впрочем, Фичино строго-настрого запретил ему писать.

– Брат Бернат, – позвал он лекаря, – я должен попросить вас еще об одной услуге сверх тех, которые вы мне уже оказали.

Госпитальер приподнял голову над сумкой, куда начал складывать свои вещи:

– Если это не идет вразрез с моими медицинскими рекомендациями, то вы можете на меня рассчитывать.

Тафур вновь испытующе взглянул в глаза арагонцу. Кому-то надо довериться. После того скандала, что он устроил в трюме, шкипер Маркус, должно быть, уже не испытывает к нему былого уважения.

– Мне необходимо срочно отправить письмо в Испанию, и я хотел бы попросить вас помочь мне в этом, поскольку я не могу сойти на берег в ближайшем порту. Разумеется, если это вас не слишком затруднит.

– Нисколько, ваша милость, нисколько... Жаль только, что вы не сказали мне о вашей нужде раньше, когда мы еще не отплыли с Корфу. Я сам сегодня утром отослал письма моему знакомому в Италию.

Тафуру показалось, что он ослышался.

– Я полагал, мы достигнем Корфу только в четверг, брат мой. Или в среду к вечеру, то бишь завтра.

Араговец уставился на него с таким видом, будто внезапно засомневался в успехе своего лечения.

– Сегодня пятница, дон Педро. Вторая пятница Великого поста. Скоро сюда придет капеллан флотилии, чтобы причастить вас и исповедать.

Так, значит, он провалялся в лихорадке три дня и три ночи. Только Провидение спасло его. По-видимому, Господь бережет его для иных дел.

* * *

Любезная Кармен!

Я не осмелился бы просить у тебя прощения за столь долгое молчание, случись оно по моей вине. Я был болен и только сегодня снова чувствую себя здоровым благодаря заботам одного рыцаря, сведущего в медицине, который плывет вместе с нами. Прости, что сообщая тебе об этом так вдруг, но точно так же вдруг и я оказался в постели в тот последний вечер, когда писал тебе письмо, а потому предпочитаю сразу покончить с этим и не держать тебя в неведении. Меня свалила лихорадка, которую я подхватил еще на суше, и предвестником ее была страшная слабость, которую я приписывал морской болезни. Но сейчас я уже совсем поправился и сегодня, впервые после шести дней заточения в каюте, поднялся на палубу. Пишу тебе, наслаждаясь солнечным светом и поистине целительным ветром, увлекающим нас все дальше на восток. Завтра или послезавтра я уже смогу сойти на берег, хотя больших портов нам уже не встретится до самого Родоса.

О, если бы я мог перенести тебя на крыльях ангела прямо на Родос вместо того, чтобы описывать мои последние дни. В них не было ничего примечательного, так что и рассказывать почти не о чем – разве что о том, как я долгими часами лежал на койке и разглядывал щели в потолке, сквозь которые в каюту просачивались солнечные лучи. Но и описать свое состояние я тоже не мог, ибо, как только брал в руку перо, все начинало плыть перед глазами. Моей единственной отрадой было присутствие того самого врача, не оставляющего меня с самого начала моей болезни, изгоняя лихорадку с помощью мазей, бальзамов и порошков. Он рыцарь ордена святого Иоанна, араговец по происхождению, и здесь Господь вновь сжалился надо мною, послав мне лекаря, говорящего на языке, родственном нашему. Зовут его Бернат Сальвадор, и это имя как нельзя лучше ему подходит ¹⁹.

Скверно лечится тот, кто все время говорит о своих недугах, как сказал бы Мануэль Бенассар. Я вовсе не хвастаюсь своими хворями, просто мне нечем наполнить для тебя эти потерянные дни. К счастью, два последних дня были лучшие, я начал выздоравливать, и Бернат Сальвадор изменил свое первоначальное предписание, позволив мне на третий день встать с постели. Сегодня утром на палубе ко мне подходили шкипер и прочие рыцари, они обнимали меня и были со мной весьма любезны и обходительны. У подножия мачты мне поставили бочонок, на нем я сейчас сижу и пишу тебе письмо, в то время как мимо проплывают греческие земли. Говорят, здесь можно увидеть дельфинов, и я на это очень надеюсь, хотя это и не сирены, которые, впрочем, родом тоже отсюда. Единственное, что меня беспокоит, так это то, что сегодня воскресенье, а капеллан до сих пор не появился, чтобы отслужить у нас мессу. Уж не приключилось ли с ним чего?

Да, Кармен, мы уже в Греции. Вернее сказать, у ее берегов. Дует легкий попутный ветерок, по-моему, именно его греки называют зэфиром. Шкипер стоит у штурвала, сбоку от меня, и называет мне места, мимо которых мы проплываем. Например, возвещает с сугубой торжественностью: «Патрасский залив! Владение деспота Морей, завоевание и рубеж Империи!»

Этот деспот и есть сам император, здесь его так именуют, а Морей – это полуостров на юге Греции, названный так потому, что его берега напоминают по форме лист шелковицы

---

¹⁹ «Сальвадор» означает по-испански «спаситель».

²⁰ . Мне сказал об этом икипер, потому что сам я видел вдалеке только две косы, выдававшиеся в море и почти соединявшиеся между собой. Что же касается «завоевания и рубежа», то это всего лишь горестные воспоминания, ибо от Империи камня на камне не осталось, а ее бывшие границы стали границами Великого Турка. Именно поэтому мы и не хотим приближаться к берегу.

Подумать только, вся эта обширная страна принадлежала грекам, здесь жили их мудрецы, их герои, их боги. А море здесь было единым *mare nostrum* ²¹ римлян и простиралось с востока на запад, а сегодня служит рубежом между двумя мирами, которые почти соприкасаются, но не желают видеть друг друга. С каждой милей, остающейся позади, я вспоминаю все новые истории и легенды, которые нам рассказывал Бенассар, а я потом пересказывал тебе. От этих берегов некогда отплыл царь Агамемнон вместе с Менелаем и его ахейцами, чтобы освободить Елену Прекрасную, похищенную Парисом и увезенную им в Троию. В этих краях проходила одиссея хитроумного Улисса, здесь слагал свои песни слепой Гомер.

Ты можешь считать меня пустым сочинителем, но подожди, я стану еще и героем, ведь для этого мне нужно всего лишь плыть дальше, сидя верхом на бочонке. Мне немного взгрустнулось, отчасти из-за болезни, изрядно нарушившей мое душевное спокойствие. Вечер спускается над островами, рассыпанными в Эгейском море. Некоторые из них представляют собой голые скалы, зато другие предстают во всей красе, позволяя любоваться живописными холмами и зелеными долинами. Иногда солнце скрывается на время за каким-нибудь островком, и тогда кажется, что там уже наступила ночь, хотя на других островах все еще царит день. На берегу лежат перевернутые рыбацкие лодки, белые домишки лепятся по склонам гор, как у нас в Андалузии. Свет медленно меркнет, наступает полумрак, как у нас возле дворца, когда стоишь под кипарисами. Я продолжаю писать, а светом мне служит память о тебе, и мне представляется, как ты в эти самые минуты любишь вечерними красками в далеком Санлукаре.

Видит Бог, так и хочется сразу же минутой сойти с корабля на берег, чтобы встретить тебя в саду за кипарисами, на одном из этих странных островков. Кажется, что ты совсем рядом, хотя на самом деле я нахожусь сейчас очень далеко от тебя. От этого мне становится грустно, а еще грустно от того, что я обязан тебе сообщить. По прибытии на Родос, любезная Кармен, я должен отправиться дальше на Восток. Я не объявлял тебе об этом раньше, боясь лишиться твоего расположения, но отправляться в столь рискованное путешествие, не предупредив тебя, я тоже не могу. Я должен выполнить свой долг перед моими предками, как я тебе уже не раз говорил. Есть у меня и еще одно обязательство, возникшее по пути сюда, – перед банкирами Медичи, которые дали мне некое поручение, о коем я не могу распространяться, скажу только, что, ежели Господь позволит мне его выполнить, весь мир будет немало поражен. Сеньор герцог, мой господин, будучи уже осведомлен об этом, не запретил мне участвовать в сем предприятии, а значит, пути назад нет. Если я выполню свой долг, это станет доказательством моих достоинств и предметом гордости для моих детей, подобно тому, как я горжусь подвигами моих предков.

Надеюсь, ты продолжаешь читать эти строки, несмотря на то, что я тебе только что рассказал. Иными словами, надеюсь, что не совсем еще тебя потерял. Я тот же Педро, которого ты знала и сделала своим другом. И если я раньше не спрашивал у тебя согласия, то потому лишь, что предугадывал, каким будет твой ответ. А пока хочу сказать, что память о тебе всегда будет со мной, куда бы я ни направился. Я не смогу писать тебе, пока не возвращусь на Родос, но захвачу тебя с собой в эти края, где в последние годы сумели побывать

---

²⁰ Тафур выводит название Мореи из испанского слова «morai», что означает «шелковица, тутовое дерево».

²¹ Наше море (лат.).

лишь немногие странники. Слова, которые я не могу тебе написать, ты сумеешь прочесть в следах, оставленных мною на дорогах этой страны.

Уже совсем стемнело, но легкий ветерок продолжает надувать наши паруса, так как шкипер распорядился не спускать их, пока есть хоть малейшее дуновение. Я вернулся в каюту и дописываю последние строки этого письма на той самой койке, где несколько дней провалялся в жару. Как только прибудем на Родос, тут же отправлю тебе это письмо. Надеюсь, что оно развеет все твои страхи и сомнения и что впредь мы сможем делить их на двоих. Ничего другого я не прошу у Господа.

Преданный тебе Педро.

Р. С. Капеллан слез, как мы и опасались. Помолись за меня, если все еще не испытываешь ко мне ненависти, ибо нехорошо начинать новый день без благословения – твоего или капеллана.

* * *

На рассвете две чайки с криками пролетели над кораблем и взмыли в вышину. Чуть позже появился пеликан, из тех, что гнездились на башне Святого Роке, и, разогнав воздух длинными крыльями, исчез вдаль. К тому времени, когда первые лучи зари проникли в каюту, снасти уже перестали биться о мачты. Теперь тишину нарушал лишь храп рыцаря-госпитальера. Корабль перестал качиваться на волнах, словно вдруг сел на мель посреди моря. Ветер окончательно стих.

Шкипер Маркус сидел подле мачты и шлифовал свою шпагу куском чешуйчатой шкурки. Тафур удивился, увидев рядом с ним брата Берната, который уже три дня как перебрался обратно на свой корабль и ночевал там. По противоположному борту, саженьях в тридцати, возникла отвесная каменная стена, такая высокая, что ее верхушка выпадала из поля зрения. Переведя взгляд на море, можно было заметить несколько судов с обвисшими парусами, застывших там, где их застал полный штиль.

Шкипер подошел к Тафуру, продолжая шлифовать свое оружие. С той памятной ночи, когда случилась история с генуэзцами, Маркус всячески выказывал ему свое расположение: при встрече улыбался, радостно приветствовал по утрам. Но сегодня, похоже, он был не в духе.

– Провидению, как видно, не угодно, чтобы вы, ваша милость, уехали, не ступив на землю Греции. – Он указал шпагой на запад, сделав такое движение, словно хотел призвать ветер. – К счастью, брат Бернат вызвался свозить вас на прогулку, а иначе мы отсюда никогда не отплывем.

Подошедший арагонец показал на вершину отвесной горы:

– Доброе утро, дон Педро. На этом острове находится обитель, здешние монахи следуют заветам святого Калогера. В сам монастырь они никого не пускают, но можно побывать в одном скиту, где хранится икона Божьей Матери, которую мореплаватели с Эгейского побережья почитают чудотворной. Я подумал, что вы согласитесь отправиться туда вместе со мною: мы отвезем им немного рыбы и полюбуемся открывающимся сверху видом.

Тафур с сомнением взглянул на тропку, петлявшую среди камней и уходившую куда-то ввысь.

– Ваш врач прописывает вам прогулку, – подбодрил его Маркус. – Заодно вы сможете помолиться там за всех нас, грешников, которые столько дней не исповедались. А ежели устанете карабкаться по кручам, то сможете передохнуть в деревне, где вас угостят неплохим наксосским вином.

Шкипер бросил недовольный взгляд на море:

– По крайней мере, вы хоть немного развлечетесь. Все лучше, чем целый день болтаться посреди этой лужи.

На соседних кораблях юнги спускали шлюпки, а кое-где матросы уже гребли по направлению к деревушке, старательно объезжая скалистые утесы. Тафур снова заколебался, стоя перед свисавшей с борта веревочной лестницей, однако брат Бернат, одобрительно кивнув ему, засучил рукава на своем монашеском одеянии и ловко соскользнул в шлюпку. Тафур перенес вторую ногу через фальшборт, на мгновение завис над пустотой и начал спускаться по веревочным ступенькам.

Деревушка пряталась между расщелинами скал. Прямо на берегу моря возвышался крытый коноплей навес; отсюда начинались высеченные в камнях ступеньки, ведущие к белым домикам. Брат Бернат пошел вперед за рыбой, а Тафур оказался в кольце босоногих ребятишек, неотступно следовавших за моряками от самого берега. От их беготни, нескончаемых жестов и ужимок у него зарябило в глазах. К счастью, брат Бернат скоро вернулся в сопровождении местного рыбака; они вдвоем несли корзину с рыбой. Медик тут же прогнал маленьких сорванцов и поставил корзину на землю. Только тут Тафур обратил внимание на его спутника. Атласный камзол, хорошая рубашка, сафьяновые туфли. Нет, это не рыбак, но и не рыцарь-иоаннит.

– С позволения вашей милости, хочу представить вам вашего покорного слугу с Родоса, – сказал Бернат. – Христофор Скотто, второй штурман галеры конвоя.

Тафур кивнул, штурман ответил поклоном. У нового знакомого была смуглая кожа, лицом же он напоминал хищную птицу и одновременно был похож на одного из многочисленных сводников, коих Тафур немало повидал в Генуе. Он вглядывался в линию горизонта, словно высматривая там корабль.

– Штурман Скотто отплывает на Родос раньше нас, поскольку его гребцы не зависят от ветра. Оттуда он собирается плыть в Португалию. Я подумал, что ваша милость захочет отправить с ним письмо, о котором давеча шла речь.

Тафур уставился на него немигающим взглядом. Странные идеи приходят сегодня в голову брату Бернату. Неужели он забыл о стычке с генуэзцами? Он представил себе, какую гримасу скорчил бы брат Маркус, если бы увидел их любезно беседующими с соотечественником тех лазутчиков.

– Благодарю вас, брат, но боюсь, что мне придется немного подождать и отправить письмо уже с Родоса. Я рассчитываю на то, что великий магистр Сакоста поможет мне найти надежного гонца.

Брат Бернат сумел не подать виду, что смущен, и принялся благодарить Скотто за помощь с рыбой. Штурман дождался минуты, когда Тафур посмотрел ему в глаза, и обратился к нему на том причудливом испанском, какой можно услышать в предместьях больших городов:

– Сеньор не доверяет доброму христианину. Что же, у него на то, видимо, есть свои основания. Дай бог, чтобы наступил такой день, когда он узнает обо мне по моим делам и захочет доставить свое письмо наилучшим путем.

Он поклонился и, повернувшись, зашагал в сторону берега. Бернат пожал плечами, а потом снова заулыбался и указал Тафуру на длинную улицу, петлявшую между домами. Кое-где островитяне уже вынесли на порог кувшины с вином и беседовали с матросами, которые, похоже, были им знакомы по прошлым стоянкам. Женщины из домов не выходили, но, когда Тафур с Бернатом поднялись повыше, некоторые из них начали появляться в окнах и, увидев, что приезжие несут рыбу для монахов, приветствовали их. Взрослые женщины носили балахоны и черные вуали, такие же, как у женщин Санлукара. Юные девушки щеголяли в длинных рубахах и платочках, то и дело мелькавших за окнами. Когда они дошли до самого верхнего дома, одна из девушек, замешкавшись, не успела скрыться за дверью, и Тафур нечаянно встре-

тился с ней глазами. Из-за этого он налетел на камень, заставив споткнуться и брата Берната, державшегося за вторую ручку корзины. Дальше начинался крутой подъем.

Они шли друг за другом по тропинке, меняя уставшую руку на каждом повороте. Уже после трех-четырех таких поворотов длинная улица под ними напоминала рыбий хребет с отходившими от него мелкими косточками-переулками. Корабли флотилии походили на горстку бусинок, разбросанных на голубом покрывале. Тафур нашел глазами удлинённые силуэты галер. И ему снова вспомнился штурман, вглядывавшийся в морскую даль.

– Боюсь, я обидел вашего приятеля, – сказал он Бернату, когда они остановились перед следующим поворотом. – Даю слово, это не входило в мои намерения. А вас я тем более не хотел обидеть.

Бернат поставил корзину, взялся за ручку другой рукой и жестом показал Тафуру, чтобы тот сделал то же самое.

– Видимо, у вас на то есть свои основания, – повторил он слова штурмана. – Только сдаётся мне, что брат Маркус успел вам наговорить с три короба про генуэзцев.

Они снова пустились в путь. Тропка сделалась такой узкой, что им приходилось ступать, ставя одну ногу перед другой, вдобавок корзина то и дело застревала в камнях. Брат Бернат шагал впереди, и его голос временами словно пропадал.

– Скотто – опытный мореход, несмотря на свою молодость. Он происходит из генуэзского рода Сальваго, давшего лучших моряков на всем Средиземноморье. Последние годы он верно служил Родосу, хотя перешел к нам от пирата Винченцо Коломбо.

Из генуэзского рода Сальваго, давшего лучших моряков на всем Средиземноморье. Где он слышал эти слова? Не в Испании, нет, – во Флоренции, в кабинете у Медичи. Семейство Колонна из рода Сальваго упоминалось в числе гостей на свадьбе юного Пьерофранческо. Он нащупал свободной рукой мешочек с цирконом и взглянул на море. Нет, и глубокая синева греческого моря бессильна воспроизвести цвет глаз его прекрасной дамы.

Брат Бернат продолжал что-то говорить. Тафур уже потерял нить его рассказа.

– Так, значит, его имя Сальваго, а не Скотто?

– Сальваго – это и есть Скотто, которые приняли имя Сальваго, присоединившись к их гильдии моряков. Со стороны матери он принадлежит к знатному роду Колонна, ни больше ни меньше, поэтому некоторые зовут его Коломбо, а может, это из-за его патрона Винченцо... Насколько мне известно, при крещении ему дали имя Христофор Скотто.

Тафур нахмурился. Выходит, он оскорбил знатного генуэзского дворянина? Они в очередной раз остановились на повороте тропинки и поменялись ручками. Пот лил с них градом.

– В общем, это достойный человек, вот что я хочу сказать... К тому же он искусный штурман, не говоря уже о том, что он еще и мой брат по ордену. Однако он живет в мире призраков. И тоскует по временам Империи и былой славы Родоса... – Бернат перевел дыхание. – Он был в Константинополе накануне его падения, когда генуэзцы предали Иоанна Палеолога. В то же время, что и ваш батюшка, как вы мне говорили.

Тафур споткнулся о большой булыжник, который покотился с горы и с шумом плюхнулся в воду. Он взглянул в пропасть, и колени у него задрожали. Корабли сверху выглядели такими крошечными, что казалось, голубое покрывало вот-вот поглотит их паруса. Тафур отвел взгляд и зашагал, осторожно ставя ступни одну перед другой. Когда они остановились в очередной раз, он в изнеможении привалился к каменной стене.

– Новые времена настанут именно для таких людей, как ваша милость и штурман Скотто. Молю Бога, чтобы вы не совершили наших ошибок. – Брат Бернат обернулся, почувствовав, что Тафур все еще держится за ручку корзины. Наконец он отпустил ее и снова приложил руку к груди. – Вам плохо, ваша милость?

– Немного утомился... Тысяча извинений, брат Бернат.

– Это вы извините меня за то, что я потащил вас по эдаким кручам. – Бернат поднял голову и посмотрел на вершину горы. – Отдохните немного у этого камня. К нам уже спешат на подмогу.

За следующим поворотом, в расщелине между скал, возник белый купол – должно быть, монастырской церкви. Ловко перепрыгивая с камня на камень, к ним спустился монах в серой рясе. Он подхватил корзину, поставил ее себе на плечо и, не говоря ни слова, пошел вверх почти по самому краю пропасти. Тафур изумленно глядел ему вслед. Наверное, подумалось ему, отцы пустынники настолько святы, что для них не обязательны хорошие манеры.

– Они соблюдают обет молчания, ваша милость, как и многие греческие монахи, – объяснил Бернат. – Только их настоятель имеет право говорить. Иногда он выходит поздороваться с паломниками и благословить их... Ну как, чувствуете себя пободрее?

Тафур утвердительно кивнул, хотя до сих пор не мог отдышаться. Он снова взглянул на тропку, по которой ушел монах, и новые опасения закрались ему в душу. Если монахи в Каппадокии тоже окажутся немymi, трудно будет убедить их продать интересующий каноника трактат.

– Помедленнее, ваша милость. В этом месте тропинка идет над самым обрывом.

Тафур обернулся. Оказывается, сам того не сознавая, он начал карабкаться вверх.

– Идите первым, брат Бернат. Вы знаете дорогу.

Бернат прошел вперед, прижимаясь к скалам. Тафур побрел за ним, стараясь ступать след в след и не сводя глаз с тропинки. Они миновали еще один поворот, и перед ними предстало удивительное зрелище. Почти на самой вершине горы раскинулся луг, поросший зеленой травой вперемешку с белыми и желтыми цветами. В воздухе пахло розмарином и шалфеем, а из кипарисовой рощицы доносилось пение дрозда. Скит располагался среди деревьев, на берегу ручья. Чуть выше, на склоне горы, виднелась дюжина небольших домиков; к каждому из них вела своя лестница. Должно быть, там жили калогеры. Поистине это был кусочек Эдема, забытый Богом на маленьком островке посреди моря.

Они направились к скиту по берегу ручья. Часовенка была такая маленькая, что они едва уместились перед иконой Пресвятой Девы Эгейской, даже встав на колени и прижавшись друг к другу плечами. Тафур взглянул на чудотворный лик и сложил руки для молитвы. Потом снова посмотрел на икону, и глаза Пресвятой Девы встретились с его глазами, как будто Она услышала его мысли. Он стиснул зубы и снова приготовился к молитве, но так и не сумел присоединиться к брату Бернату, невнятно читавшему «Верую». Прекрасный лик Пресвятой Девы казался смуглым из-за тусклого света, отбрасываемого свечами и закрывающего икону в позолоченном окладе. У Нее были большие глаза, черные и грустные, как у Кармен или у местных девушек. Ни капли голубого или синего. У выхода из часовни они обнаружили чистую корзину, в которой лежала коврига хлеба и кувшин вина. Они направились в сторону луга, и тут им повстречался маленький старичок, шедший по тропинке из монастыря. Бернат поздоровался с ним на греческом языке и встал на колени, прося благословить. Старичок осенил его крестным знаменем, обернулся к Тафуру, который также преклонил перед ним колени, и уже занес над ним руку, как вдруг остановился. У Тафура мелькнула мысль попросить монаха исповедать его. Однако его грехи были слишком многочисленны и разнообразны, чтобы можно было объяснить их знаками. А если священник не понимает, в чем ему исповедуются, такому покаянию грош цена.

Калогер произнес несколько слов на греческом. Брат Бернат выступил в роли переводчика:

– Отец Лакатос спрашивает, куда вы держите путь.

Тафур ответил, что направляется на Родос. И почувствовал укор совести, заметив разочарование на лице монаха. Старичок вздохнул, благословил его и, прежде чем продолжить свой путь, обронил несколько фраз.

– Что он сказал на прощанье, брат Бернат?

Тот выглядел смущенным.

– Он сказал, чтобы вы опасались лжи и обмана. Или лгунов и обманщиков. Не знаю, правильно ли я понял, ваша милость.

Они уселись на берегу ручья и молча подкрепились. Брат Бернат предложил спуститься вниз по другому склону, где можно будет полюбоваться открывающимися видами, и Тафур, который не мог избавиться от тревожных мыслей, понурившись, последовал за ним. На пути к Родосу лежала призрачная земля под названием Кандия, где знаменитый Дедал построил свой лабиринт. А неподалеку высился над морем утес, куда античные богини позвали Париса, чтобы он выбрал из них самую прекрасную. И он выбрал Афродиту – греческую Венеру.

* * *

Марсилио Фичино приподнял голову над столом. В дверь кабинета постучали. Это был его паж Амброзио.

– Получено донесение, синьор. Оно прислано из Равенны, но я подумал, что вы все равно захотите его прочесть.

– Спасибо, Амброзио. Ты правильно сделал.

Паж оставил письмо и с поклоном удалился. Фичино подождал, пока за ним захлопнется дверь, после чего взял в руки донесение и сломал сургучную печать. Он рассчитывал, что вести будут поступать к нему через Венецию. Хотя что может быть естественнее? Равенна, город, отвоеванный Велизарием, столица экзархата, самый дальний бастион Восточной империи в древней Италии... Последний экзарх воротился в Византию более семи веков назад, но на улицах и в базиликах, под апсидой великолепной церкви Сан-Витале, еще не выветрился дух Византии. Рыцарям-иоаннитам свойственна ностальгия, даже тем, кто признает неумолимый ход времени. К тому же послание из Равенны возбудит меньше подозрений, несмотря на то, что корабли, следующие с Корфу, заходят и в этот порт. Брат Бернат Сальвадор – умный человек.

Он еще раз перечитал строки донесения, чтобы лучше сохранить их в памяти, и поднес листок к пламени свечи. Когда бумага вспыхнула, каноник бросил ее в жаровню. Потом откинулся на спинку стула и взглянул на развернутый на столе пергамент. Значит, испанский путешественник продолжает свой путь.

Он хорошо запомнил тот день, когда старый Козимо прислал за ним карету, – он жил тогда в Монтевеккьо. Пока они ехали по холмистой равнине, он обдумывал, как будет объяснять, почему до сих пор не закончил перевод первого тома Платоновых сочинений. Да потому, что целый год у него ушел на то, чтобы восстановить манускрипты. Новый заказ был для него полной неожиданностью.

– Отложите все, что делали до сих пор, – распорядился Козимо. – Европа может подождать с Платоном, особенно теперь, когда с Востока вернулся учитель его учителей.

Фичино испугался, что ртутная настойка перестала действовать. Он знал, что не вылечит таким образом Козимо, но ему удалось облегчить с ее помощью – а также с помощью красного вина и примочек – течение болезни. Из-за подагры в организме старейшего из Медичи заставилась черная желчь. Поэтому он часто впадал в гнев и раздражительность и, возможно, был уже близок к безумию. В тот день Козимо впервые продемонстрировал Фичино драгоценные пергаменты. Вот только подлинные ли они?

Гемист Плегон, его первый учитель, рассказывал, что книги Гермеса три дня горели в пламени пожара, охватившего Александрию. Впрочем, сам Гемист считал главой древних мудрецов Зороастра. Ведь именно Зороастр завещал людям «Халдейских оракулов», переведенных Фичино перед тем, как с головой погрузиться в своего Платона. О Гермесе же до нас дошли лишь обрывочные сведения и слухи, хотя, по словам александрийца Климента, он был автором

тридцати шести трактатов по теологии, четырех по астрологии, двух по музыке и еще четырнадцать книг о тайнах древних египтян. Ни один из его трудов не дошел до наших дней, если не считать тех, которые, по словам Козимо, находились в его руках. Неужели они подлинные?

Он произнес в тишине имена великих мудрецов, которые несли свет человечеству начиная с незапамятных времен. Если бы Гемист был сейчас жив, он наверняка бы согласился с ним, Фичино, увидев пергаментные свитки. Египтянин Гермес был учителем перса Зороастра и грека Орфея. Орфей передал тайные знания Аглафему, Аглафем – Пифагору, а тот – Филолаю, который, в свою очередь, был наставником божественного Платона. Наследником последнего стал Плотин, чьим наиболее известным учеником был Порфирий, наставник Анатолия Перипатетика и Ямвлиха Антиохийского. Затем в мир явился сам Иисус Христос. Но свою мудрость Он получил от Святого Духа, и ниоткуда больше. С другой стороны, Гермес был также учителем Моисея, передавшего древние знания евреям. Вот этого Платон бы точно не принял, да и сам Фичино не осмелился бы произнести такое во весь голос.

Однако же разве не утверждал Лактанций, что Гермес был предтечей христианства? А что писал не кто иной, как Августин? *Pater est maior filio propter auctoritatem originis*²², говорил святой Иларий. Предтеча и пророк, а также в известном смысле отец, Гермес был ближе, чем его дети, к истокам тайны. Его авторитет подтверждают сами Отцы Церкви. Правда, Августин писал в другом месте, что Гермес знался с демонами... Но это, несомненно, искажение текста в манускрипте. Какой-нибудь тупой монах приложил к этому руку. Да и в конце концов, кто такие демоны, как не звезды с неба? Разумеется, чтобы знаться с ними, необходимо было прежде с осторожностью их вызвать.

Он отложил перевод своего любимого Платона. Дни и ночи просиживал он над листами пергамента, оставляя для своих личных нужд только те часы, когда расположение звезд было неблагоприятным. Конечно, трактаты многое утратят, когда их переложат на латынь, однако он верил в то, что его скромный талант позволит ему передать их сущность. Он припомнил желтое лицо Козимо уже на смертном ложе, в красной спальне, которую ныне занимал его внук Лоренцо. В чем тайна? Удалось наконец ее раскрыть? О чем поведали пергаментные свитки? Боли из-за подагры сделались невыносимыми. Фичино был вынужден утроить дозу лекарства.

Он приоткрыл глаза, снова взглянул на свиток. И внезапно ощутил дрожь во всем теле, словно оно тоже воспринимало скрытое биение загадочных слов. Четырнадцать лет в поисках разгадки! Но написанное до сих пор не раскрыло своей тайны. Каким же простодушным он был, когда Козимо поручил ему эту работу! Как можно было вообразить себе, что великий Гермес доверит клочку папируса сокровеннейшую из тайн? Еще до кончины Козимо он понял, что трактаты зашифрованы, но ему не хватило духу сказать об этом старому Медичи. Много ночей провел с ним известный своей ученостью Леон Альберти, выписывая в столбик цифры, буквы и рисуя схемы. Потом, так же понапрасну, приезжал Бенассар, каббалист при дворе герцога Медины. Старший сын Козимо, Пьеро, очень скоро разочаровался в трактатах, мучимый наследственной подагрой и пришедшими в упадок финансами. А его наследник Лоренцо теперь сомневался, что молодой Тафур сумеет раздобыть трактат, затерянный на просторах Азии.

Однако указания небес были ясными, как и события на земле. Впервые за двенадцать лет Юпитер совпал с Луной в созвездии Овна, под знаком которого родились старый Козимо и его внук Пьерофранческо. Длительный закат Византии завершился ее окончательным исчезновением. В день летнего солнцестояния Сатурн будет находиться в зените, в то время как Меркурий возвещает о новой заре над небом Флоренции. Что это может означать, как не триумфальное возвращение мудрости в этот мир?

---

²² Отец могущественнее сына по праву первородства (*лат.*).

После того как Тафур вернется с трактатом, никто уже больше не посмеет сомневаться в подлинности рукописей. Да и самому Фичино больше не придется прибегать к помощи демонов, чтобы посредством заклинаний привести в действие силы космоса. Папа Сикст IV (Франческо делла Ровере) постоянно докучал Лоренцо просьбами, настаивая, чтобы тот приказал ему, Фичино, сочинить воззвание против астрологии. Неужели он надеялся, что Фичино попадет в эту ловушку и станет защищать уличных прорицателей и гадалок? Подлинная наука о звездах не имеет ничего общего с мошенниками, промышляющими составлением гороскопов, но его святейшеству подобные тонкости недоступны. Или же Папа думает запретить все виды магии, в том числе и отменить естественное влияние звезд? Но это все равно что попытаться закрыть солнце ладонью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.